ИССЛЕДОВАНИЯ

М. А. САЛМИНА

Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве

Вопрос о датировке повестей Куликовского цикла и, в частности, «Летописной повести» о Куликовской битве, о которой пойдет речь, представляет интерес как для литературоведов, так и для историков общественной мысли. Этот памятник дошел до нас в составе летописей, поэтому вопрос о его происхождении и датировке может решаться только на основе изучения его в тесной связи с теми летописными сводами, в состав которых он входил.

Как показало исследование истории текста «Летописной повести» внутри всех известных летописных сводов,¹ ближайший по времени к событиям 1380 г. общерусский летописный свод 1408 г., отразившийся в Троицкой (Симеоновской) летописи, содержал лишь краткий рассказ о них. Пространная повесть о Куликовской битве впервые появляется только в своде 1448 г., восстанавливаемом на основе Новгородской IV и Софийской I летописей.

Текстологическое изучение обоих произведений позволило сделать вывод, что краткий рассказ Троицкой летописи не является сокращением пространной летописной повести, а напротив — первоначален по отношению к ней. Приведем доказательства.

Краткий рассказ о событиях 1380 г. тесно связан с включавшим его в себя сводом 1408 г. Стилистика этого рассказа соответствует той, которая характерна для ближайших к нему частей Троицкой летописи. Особенно тесно этот рассказ связан и текстологически совпадает с рассказом о битве на Воже 1378 г. Например: 1) «Того же лета. . . ординский поганый Мамай събрав рати многы. . . поиде на великого князя Дмитрия Ивановичя и на всю землю Русскую» (1380 г.) — «Того же лета ординский князь поганый Мамай, събрав воя многы. . . посла. . . на князя великаго Дмитрея Ивановичя и на всю землю Русскую» (1378 г.); 2) «Се же слышав князь великий Дмитрей Ивановичь, събрав воя многы поиде противу их. . . и переехав Оку» (1380 г.) — «Се же слышав князь великий Дмитрей Ивановичь, събрав воя многы и поиде противу их. . . и переехав за Оку» (1378 г.); 3) «. . . логании побегоша, а наши после, бьюще, секуще поганых» (1380 г.) — «. . . татарове. . . побегоша. . . , а наши после за ними, бьючи их и секучи» (1378 г.); 4) «. . . и поможе бог князю великому Дмитрию Ивановичю» (1380 г.) — «. . . и поможе бог князю великому Дмитрею Ивановичю» (1378 г.); 5) «Князь же великий Дмитрей Ивановичь. . . вьзвратися отгуду на Москву. . . с победою великою» (1380 г.) — «Князь же великий

¹ М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». — В кн.: Слово о полку Игореве. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966, с. 344—384.

Дмитрей възвратився отгуду на Москву с победою великою» (1378 г.); 6) «. . . и мнози вои его. . . обретающе корысть многу» (1380 г.) — «. . . рати роспусти с многою корыстию» (1378 г.); 7) «Мамай. . . гневашеся и неистоваяся, яряся. . . събра останочную свою силу, еще въсхоте ити изгоном паки. . . на всю Русскую землю» (1380 г.) — «И разгнева же ся зело Мамай и възъярися злобою. . . събрав останочную силу свою. . . поиде. . . изгоном на Рязанскую землю» (1378 г.).² На основании приведенных примеров следует, что краткий рассказ 1380 г. был создан внутри свода 1408 г., а не был привнесен в свод извне.

Далее. Известия краткого рассказа Троицкой летописи входят в пространную повесть целиком, вкрапливаясь в ее текст на всем протяжении.³ Но если рассказ Троицкой летописи отличает стройность, четкая последовательность в изложении, отсутствие повторений и следов использования в нем литературных источников, то пространную повесть характеризуют другие черты. Это не документальная запись о событии 1380 г., каковой является краткий рассказ Троицкой летописи. Пространная повесть о Куликовской битве, включающая в себя фактические данные рассказа Троицкой летописи в тех же самых выражениях, — это обширное повествование, использовавшее литературные параллели, взятые из жития Александра Невского, паремийного чтения о Борисе и Глебе, апокрифического «Слова на рождество Христово о пришествии волхвов», Библии. Повесть насыщена религиозной риторикой, изобилует многочисленными лирико-публицистическими отступлениями, и та композиционная стройность, которая отличает краткий рассказ Троицкой летописи, в ней отсутствует. Для пространной повести характерны повторения, — так, дважды в ней возникает тема союзников Мамаю, не раз повторяется, что Мамай ждет помощи Ягайла, не раз описывается его гнев; неоднократно осуждается поведение Олега Рязанского.⁴

Еще один факт. В пространной летописной повести по отношению к краткому рассказу Троицкой летописи имеются явно вторичные чтения. Так, из краткого рассказа известно, что только после битвы «поведаша князю великому, что князь Олег Рязанский посылал на помощь Мамаю свою силу». В пространной повести уже с самого начала сообщается об измене Олега Рязанского, великий князь Дмитрий узнает о ней еще в Москве, — но в то же время текст сохраняет в последней части и только что приведенную фразу рассказа Троицкой летописи. В пространной летописной повести явно обнаруживается неувязка в содержании. Фраза «поведаша князю. . . свою силу» оказывается в ней явно неуместной. Совершенно очевидно, что при сложении пространной летописной повести эта фраза была механически переписана вместе с остальным текстом из краткого рассказа свода 1408 г.⁵

К числу вторичных чтений пространной летописной повести принадлежит и упоминаемое в ней в «списке убитых» лиц имя князя Федора Тарусского, которое в «списке убитых» рассказа Троицкой летописи отсутствует. Летописи, начиная с великокняжеского свода 1471 г.,⁶ сообщают, что князь Федор Тарусский пал в битве с татарами в 1437 г. под Белевым.⁷

² Более подробно см.: там же, с. 356.

³ Кроме известия об убийстве Мамаю войнами Тохтамыша. В пространной летописной повести Тохтамыш преследует Мамаю, но убивают последнего кафинцы (см.: там же, с. 360).

⁴ Там же, с. 359—360, 364—370.

⁵ Там же, с. 359.

⁶ ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962, с. 107.

⁷ Там же, с. 370—372.

Таким образом, вторичность чтений пространной летописной повести несомненна. В то же время в рассказе Троицкой летописи по отношению к пространной летописной повести вторичные чтения не обнаруживаются, в нем нет и никаких следов использования более полного оригинала. Учитывая эти особенности краткого рассказа Троицкой летописи, его стройность и несомненную связь с рассказом о битве на Воже, мы признаем его древнейшим сообщением о Куликовской битве. Считать этот рассказ сокращением пространной летописной повести у нас нет оснований. Пространная летописная повесть свода 1448 г., которую отразило все последующее летописание, возникла на основе краткого рассказа Троицкой летописи, этой старейшей из известных нам записей о событиях 1380 г.⁸

Как показали наблюдения, пространная повесть, или, иначе, — «Летописная повесть» о Куликовской битве, оказалась по своим тенденциям связанной с событиями 40-х годов XV в., временем, когда на Руси, в обстановке постоянных войн с татарами, шла острая борьба за великокняжеский престол между потомками Дмитрия Донского — Василием II и Шемякой. Тема Куликовской битвы 1380 г., отраженная в кратком рассказе Троицкой летописи, явилась для автора «Летописной повести» материалом для публицистического выступления в защиту объединения русских сил против врагов Русского государства в середине XV в.⁹

Выводы, к которым мы пришли в итоге изучения взаимоотношений краткого рассказа Троицкой летописи и «Летописной повести», подтверждаются наблюдениями и над другим летописным памятником свода 1448 г., также связанным с именем Дмитрия Донского, — «Словом о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», старейшие тексты которого содержат Софийская I и Новгородская IV летописи.¹⁰ Как показало текстологическое исследование, его текст в своде 1448 г., как и текст «Летописной повести», основывается на краткой записи о смерти и месте погребения великого князя Дмитрия Троицкой летописи, полностью повторенной в «Слове о житии» и написанной в манере аналогичных ей записей Троицкой летописи. Оказалось, что в «Слове о житии» тенденциозно переделан документ — завещание Дмитрия Донского, что связывает возникновение этого памятника с борьбой Василия II за престол в 40-х годах XV в.¹¹

Итак, «Летописная повесть» о Куликовской битве создана на основе краткого рассказа Троицкой летописи. Старшие ее тексты находятся в восходящих к своду 1448 г. НИВЛ и СИЛ. В дальнейшем, переходя из свода в свод, «Летописная повесть» меняла свой облик, причем эти изменения шли в том же направлении, в каком и работа над другими частями свода: если сокращался свод в целом, то сокращению подвергалась и «Летописная повесть» (Новгородская V, Летопись Авраамки, Ермолинская летопись и др.); если в свод включались дополнительные тексты, то распространялся и самый текст «Летописной повести» (Никоновская летопись, список Дубровского).¹²

Напомнить о выводах, которые были сделаны в результате изучения «Летописной повести» о Куликовской битве, нас вынудило то обстоятельство, что в последние годы появились работы, в которых затрагиваются вопросы происхождения и времени создания этой повести, но в которых неудовлетворительна или вообще отсутствует текстологическая аргумен-

⁸ Там же, с. 359—364.

⁹ Там же, с. 372—376.

¹⁰ М. А. С а л м и н а. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго». — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, с. 80—104.

¹¹ Там же, с. 98—104.

¹² М. А. С а л м и н а. «Летописная повесть» о Куликовской битве. . . , с. 354.

тация; отсутствует и стремление рассматривать повесть в связи с историей летописания в целом. Мы имеем в виду две статьи С. Н. Азбелева¹³ и соответствующие разделы книги И. Б. Грекова «Восточная Европа и упадок Золотой Орды».¹⁴ Остановимся сначала на работах С. Н. Азбелева.

С. Н. Азбелев в своей статье «Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского» выдвигает положение, что старейший вариант «Летописной повести» о Куликовской битве содержится в летописном памятнике XVI в. — так называемой Новгородской летописи Дубровского (далее: НЛДубр).¹⁵ Повесть в этой летописи, пишет С. Н. Азбелев, «уникальна по своему составу». Принадлежит к той же самой редакции, что и повесть в НІVЛ и СІЛ, повесть НЛДубр «значительно богаче фактами. Только в НЛДубр описано, и весьма детально, „уряжение“ полков и назначение воевод перед боем; рассказано о роли „дотаенного“ полка; подробно говорится о розысках после окончания битвы раненого великого князя».¹⁶ С. Н. Азбелев приводит «сводку отсутствующего в Новгородской IV, Софийской I и Новгородской V летописях материала НЛДубр».¹⁷

Отстаивая свой взгляд на первичность текста «Летописной повести» в НЛДубр, С. Н. Азбелев опирается на работу А. А. Шахматова, его Отзыв на сочинение С. К. Шамбинаго.¹⁸ С. Н. Азбелев признал убедительным высказывание А. А. Шахматова о существовании «общего протографа» (повести) НІVЛ, СІЛ и НVЛ, отразившегося в НЛДубр, и принял положение А. А. Шахматова о том, что повесть, находящаяся в НІVЛ и СІЛ, является сокращением более полного ее варианта, существовавшего, по А. А. Шахматову, уже в XIV в.¹⁹ НЛДубр, пишет С. Н. Азбелев, «сохранила повесть в том ее составе, который она имела до сокращения, произведенного в общем протографе Новгородской IV, Софийской I и ряда других летописей».²⁰

С. Н. Азбелев согласился с мыслью А. А. Шахматова о существовании отразившегося в НЛДубр особого извода повести, который, согласно А. А. Шахматову, находился в Московской великокняжеской летописи, составленной «ранее 1423 года».²¹ Но если А. А. Шахматов полагал, что в повесть НЛДубр из этого особого извода были сделаны только вставки, то С. Н. Азбелев считает, что НЛДубр отразила в себе этот вид повести целиком. Особый вид повести, согласно С. Н. Азбелеву, хранился в московском государственном архиве и не использовался «составителями официальных московских летописных сводов, так как сообщал ряд существенных, но не вполне удобных для таких сводов подробностей (в особенности

¹³ С. Н. Азбелев. 1) Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского. — В кн.: Летописи и хроники. Сборник статей. 1973 г. Посвящен памяти А. Н. Насонова. М., 1974, с. 164—172; 2) Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла). — В кн.: Летописи и хроники. 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976, с. 78—101.

¹⁴ И. Б. Греков. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975.

¹⁵ Новгородская летопись Дубровского, согласно А. А. Шахматову, представляет собой новгородский свод, доведенный до 1539 г. и составленный в 1542—1548 гг. (А. А. Шахматов. Летописи. — Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 25. Пг. [б. г.], стб. 164).

¹⁶ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве. . . , с. 164.

¹⁷ Там же, с. 166—168.

¹⁸ А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906. — Отчет о двенадцатом присуждении имп. Академией наук премий митрополита Макария в 1907 г. СПб., 1910.

¹⁹ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве. . . , с. 166.

²⁰ Там же, с. 171.

²¹ А. А. Шахматов. Отзыв. . . , с. 111, 116.

о роли князя Владимира Андреевича». ²² В этом тексте, пишет далее С. Н. Азбелев, говорилось «специально об Иване Родионовиче Квашне, что, вероятно, явилось одной из причин включения текста в новгородский владычный свод (в НЛДубр, — М. С.), к составлению которого имели такое близкое отношение Квашнины». ²³ При включении повести в НЛДубр она, считает С. Н. Азбелев, была сверена с текстом повести по НЛДубр. ²⁴

А. А. Шахматов (в Отзыве на сочинение С. К. Шамбинаго, — работе, на которую опирается С. Н. Азбелев) полагал, что «в основании списка Дубровского ²⁵ лежит. . . Новгор. 5-я летопись», текст которой «сверен и дополнен с Новгор. 4-й». ²⁶ Но впоследствии, в подытоживающей работу по русскому летописанию статье, он отказался от этого взгляда и пришел к выводу, что в основе списка Дубровского лежит НЛДубр. ²⁷ То, что в основе списка Дубровского вплоть до 1447 г. включительно лежит текст НЛДубр, не отрицает и С. Н. Азбелев. ²⁸ Логично поэтому было бы предполагать, что в основе «Летописной повести» списка Дубровского, которая, по словам самого же С. Н. Азбелева, принадлежит к редакции НЛДубр и СЛД, лежит текст повести в версии НЛДубр. Тем не менее С. Н. Азбелев такой, казалось бы, естественный вариант отвергает и считает, что наличие в НЛДубр «нескольких сот разночтений» «с соответствующим текстом Новгородской IV летописи» не позволяет ему «объяснить все это правкой текста Новгородской IV летописи по дополнительному источнику. Проще предположить обратное — что повесть была целиком выписана из дополнительного источника и сверена с соответствующим текстом Новгородской IV летописи». ²⁹ «Такое предположение, — пишет далее С. Н. Азбелев, — подкрепляется наблюдениями над остальными частями НЛДубр. В нее включен целый ряд часто довольно обширных самостоятельных текстов. Большинство их дополняет текст Новгородской IV летописи, но некоторые — заменяют соответствующие его отрезки». ³⁰

Итак, согласно С. Н. Азбелеву: 1) в «Летописной повести» списка Дубровского, более пространной, чем повесть НЛДубр и СЛД (она включает в себя несколько больших эпизодов), текст является и более первичным; 2) эта повесть хранилась в государственном архиве и попала в НЛДубр, вероятно, в связи с упоминанием в ней имени Ивана Квашнина; 3) при включении в Новгородскую летопись текст повести был сверен по НЛДубр. Заметим, что, делая такие выводы, С. Н. Азбелев при этом текстологического исследования «Летописной повести» не проводил. Не ссылается С. Н. Азбелев на высказывавшиеся и после А. А. Шахматова суждения о «Летописной повести» по списку Дубровского и никак не опровергает их.

Между тем текстологическое изучение «Летописной повести» о Куликовской битве в связи с историей летописных сводов, ее в себе заключавших, показало, что текст ее в списке Дубровского идентичен тексту повести в НЛДубр и СЛД. ³¹ Повесть по списку Дубровского восходит к повести

²² С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве. . . , с. 169.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ А. А. Шахматов именно так называет новгородский свод, о котором идет речь.

²⁶ А. А. Шахматов. Отзыв. . . , с. 106.

²⁷ А. А. Шахматов. Летописи. — Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 25, стб. 164.

²⁸ См.: С. Н. Азбелев. 1) Две редакции Новгородской летописи Дубровского. — В кн.: Новгородский исторический сборник, вып. 9. Новгород, 1959, с. 219—228; 2) Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960, с. 25—26.

²⁹ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве. . . , с. 169.

³⁰ Там же.

³¹ М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве. . . , с. 350.

НІВЛ с добавлением чтений второй редакции СІЛ.³² Помимо собственно текста «Летописной повести», повесть списка Дубровского содержит еще целый ряд вставок, из которых наиболее крупные — это рассказ об уряжении полков перед сражением, рассказ о «потаенном полку» Владимира Андреевича и рассказ о поисках князя Дмитрия на поле боя. Было высказано предположение, что все эти вставки, за исключением одной — рассказа об уряжении полков, восходят к тексту «Сказания о Мамаевом побоище» и что, возможно, на повесть повлияло «Слово о житии и о представлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», текст которого также содержит рассказ о Куликовской битве.³³

Исследование привело нас к следующему выводу: повесть в списке Дубровского — это позднейший вариант «Летописной повести», усложненный влиянием на ее текст новых источников. Такого вида тексты «Летописной повести» начали появляться в сводах конца XV—XVI в. Повесть в сводах 1493 и 1495 гг., в Хронографе 1512 г. испытала на себе влияние «Сказания о Мамаевом побоище»; «Летописная повесть» Устюжского летописца XVI в. перерабатывается по «Сказанию о Мамаевом побоище» уже на всем своем протяжении. В Никоновской летописи и Степенной книге «Летописная повесть» переделывается по «Сказанию о Мамаевом побоище» и «Слову о житии» настолько, что предстает в этих памятниках уже в виде только отдельных вкраплений.³⁴

Более детальный анализ «Летописной повести» в списке Дубровского, проделанный после выхода статей С. Н. Азбелева, только подтвердил сделанный ранее заключение, что в этой летописи XVI в. находится уже поздний ее текст. Об этом свидетельствуют не только описки и искаженные слова, содержащиеся в повести списка Дубровского в большом количестве (хотя само по себе это обстоятельство также не говорит в пользу первичности ее текста). Как оказалось, повесть списка Дубровского буквально насыщена чтениями вторичного происхождения. Перейдем к рассмотрению текста повести этого списка.

Как уже говорилось выше, историческим источником «Летописной повести» о Куликовской битве был краткий рассказ 1380 г. Троицкой летописи под названием «о великом побоище иже на Дону». При этом составитель «Летописной повести», используя свой источник, включал исторические данные этого рассказа в том же самом стилистическом выражении.

При сравнении текста повести в списке Дубровского с соответствующими фрагментами повести НІВЛ, СІЛ и Троицкой летописи обнаруживается, что текст списка Дубровского отстоит дальше от текста Троицкой, чем НІВЛ, СІЛ.³⁵ Так, в Троицкой: «. . род измалтескыи», в НІВЛ, СІЛ:

³² Там же. То, что в повести списка Дубровского находят место одновременно и чтения НІВЛ, и чтения СІЛ, удовлетворительно объясняется схемой взаимоотношений редакций НЛДубр, предложенной самим С. Н. Азбелевым, по которой список Дубровского, представляющий вторую редакцию НЛДубр, опирается и на НІВЛ, и на СІЛ. Согласно С. Н. Азбелеву, в основе второй редакции НЛДубр лежит первая ее редакция, текст которой, восстанавливаемый по так называемому Отрывку русской летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку и Новгородской Уваровской летописи, восходит ко второй редакции СІЛ. Во второй редакции НЛДубр (где и находится «Летописная повесть»), т. е. списке Дубровского, часть до 1447 г. включительно была заменена текстом НІВЛ (см.: С. Н. А з б е л е в. 1) Две редакции Новгородской летописи Дубровского, с. 219—226; 2) Новгородские летописи XVII века, с. 24—26).

³³ М. А. С а л м и н а. «Летописная повесть» о Куликовской битве. . . , с. 350—351.

³⁴ Там же, с. 353—354.

³⁵ Текст Троицкой летописи под 1380 г. см.: М. Д. П р и с е л к о в. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950; текст НІВЛ под 1380 г.: ПСРЛ, т. IV,

«. . . измалтеиский род»; в НЛДубр: «измалтяне». В Троицкой: «. . . тогда поведаша князю великому», в НІВЛ, СІЛ: «. . . поведаша князю великому», в НЛДубр: «. . . слышав же князь великий». В Троицкой: «. . . а сам на реках мосты переметал», в НІВЛ, СІЛ: «. . . а сам на реках переметал мосты»; в НЛДубр: «. . . а на реках повелел мост переметывать». В Троицкой, НІВЛ, СІЛ: «Мамай не во мнозе утече (убежа — НІВЛ, СІЛ). . . и прибеже в свою землю в мале дружине»; в НЛДубр: «Мамай не во мнозе убежа дружине и прибежа во свою землю». В ряде случаев текст повести в списке Дубровского короче текста Троицкой и НІВЛ и СІЛ. Так, в Троицкой: «. . . прииде ему паки другая весть», в НІВЛ: «. . . паки прииде князю Дмитрию Ивановичю другая весть», в СІЛ: «. . . и прииде другая весть паки к великому князю Дмитрию Ивановичю»; в НЛДубр: «. . . прииде великому князю Дмитрию Ивановичю другая весть». В Троицкой: «. . . бог бо невидимою силою устраши сыны агаряны и побегоша», в НІВЛ: «. . . бог бо невидимою силою устраши полки тотарьскыи и побегоша», в СІЛ: «. . . бог бо невидимою силою устраши полки поганых и побегоша»; в НЛДубр: «. . . бог бо невидимою силою устраши полки татарскыя гоняше». В Троицкой, НІВЛ, СІЛ: «. . . с той ратью готовою поиде противу его»; в НЛДубр: «. . . с тою ратию поиде противу ему». В Троицкой, НІВЛ, СІЛ: «. . . а сам шед, седе», в НЛДубр: «. . . а сам седе». В ряде случаев текст повести списка Дубровского подробнее текста Троицкой, НІВЛ, СІЛ. Так, в Троицкой: «. . . и гнаша их до реки до Мечи», в НІВЛ: «. . . и гониша их до реки до Мечи», в СІЛ: «. . . и гониша их до Мечи до реки»; в НЛДубр: «. . . и гониша их и бьюще до Мечи реки». В Троицкой, НІВЛ, СІЛ: «. . . и мнози вои его възрадовашася, яко обретающе корысть многу»; в НЛДубр: «. . . и мнози враги его вои его възрадовашася, яко обретоша корысть многу». Первичность текста Троицкой по сравнению со списком Дубровского обнаруживается, в частности, в следующем примере: в Троицкой: «. . . и рати понаимовав», в НІВЛ, СІЛ: «. . . и еще к тому рати понаимовал»; в НЛДубр: «. . . еще к тому понаимовал».

Таким образом, наблюдения над рассматриваемыми списками в этом основном звене их взаимоотношений (отношение к рассказу Троицкой летописи) свидетельствуют о том, что текст по списку Дубровского считается более древним, чем текст повести в НІВЛ и СІЛ, не может.

Тот же вывод следует из наблюдений и над другим, уже литературным, источником «Летописной повести» о Куликовской битве — апокрифическим «Словом на рождество Христово о пришествии волхвов». Вставки, сделанные из этого памятника в повесть НІВЛ и СІЛ, в списке Дубровского предстают также в поновленном виде.³⁶ Так, например, в «Слове» читаем: «. . . увы мне, избитаа наша чадца», в НІВЛ: «. . . увы мне, убогаа наша чада», в СІЛ: «. . . увы нам, убогая наша чадца»; в НЛДубр: «. . . увы нам, убогая чадца». В «Слове» НІВЛ, СІЛ: «. . . и смутися умом»; в НЛДубр: «. . . и смутися сердцем и умом».

Далее, сравнение текста повести по списку Дубровского с текстами повести по НІВЛ и СІЛ показало, что в списке Дубровского много пропусков как отдельных слов (отчасти мы это уже видели на приведенных выше примерах), так и целых выражений. Мы не будем перечислять их

ч. 1, вып. 1. Пг., 1915; вып. 2. Л., 1925; текст СІЛ под 1380 г.; ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853; текст НЛДубр (списка Дубровского) под 1380 г.; ГПБ, Ф. IV. 238, л. 244 об.—257 (карандашная пагинация).

³⁶ Текст «Слова на рождество Христово о пришествии волхвов», сходный с «Летописной повестью», приводится в статье В. П. Адриановой-Перетц «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго» (ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, с. 87—88).

все, но то, что в списке Дубровского они являются именно пропусками текста, покажем на следующих примерах. Так, фраза в списке Дубровского «. . . и слышав же во граде на Москве, и Переяславле, и на Костроме, и в Володимери, и в Ростове, и во всех князей русских» непонятна, так как после слов «во всех», по сравнению с НІВЛ, СІЛ, в ней пропущено выражение «градах великого князя и всех»; непонятна и фраза «Князь же великий. . . отдохнув от труда своего велико благодарение принесе богу, давшему раба своего», так как после слова «давшему» оказалось пропущено выражение «такову на поганья победу, избавляющему».

Итак, явные пропуски в тексте списка Дубровского также не говорят в пользу его первоначальности по отношению к тексту повести в НІВЛ и СІЛ.

Заметим далее: повесть по списку Дубровского пестрит своими чтениями, которые, скорее всего, могут быть объяснены как поновление текста и внесение этикетных формул. Так, например, в НІВЛ, СІЛ: «. . . и тогда же приспела грамота», в НЛДубр: «. . . и тогда приде к нему грамота»; в НІВЛ: «Ондрей Полочкой с плесковици», в СІЛ: «Андрей Олгордовичь Полоцкий со псковичи», в НЛДубр: «Андрей Полоцкий с полочаны»;³⁷ в НІВЛ, СІЛ: «. . . и орли събирахуся», в НЛДубр: «. . . яко орли разбивахуся»; в НІВЛ: «. . . и святых мученик полк, воина Георгия и славнаго Дмитрия, и великих князей тезоименитых святых Бориса и Глеба», в СІЛ: «. . . и святых мученик полки, и воина великаго Христова Георгия, и славнаго Дмитрия, и великих князей тезоименитых Бориса и Глеба», в НЛДубр: «. . . и святых мученик полк, и воина великомученика Георгия, и славнаго великомученика Дмитрия, и великих князей тезоименитых святых Бориса и Глеба»; в НІВЛ: «И възнесе бог нашего князя», в СІЛ: «Взнесе бог десницею великого князя Дмитрия Ивановича», в НЛДубр: «И вознесе бог десницу нашего государя христьянскаго благовернаго царя великого князя Дмитрия Ивановича всеа Руси». В эпизоде «погони» за татарскими полками в повести списка Дубровского иной порядок фраз, чем это имеет место в НІВЛ, СІЛ и других летописных сводах. Видно, что в списке Дубровского произошло искажение первоначального текста — в нем нарушена логика передаваемых событий. В НІВЛ: «И гониша их до реце до Мечи, и тамо бежащих бесчисленное множество погибоша. Княжий же полци гнаша содомлян, бьюще до стана их, и полониша богатства много и вся имена их содомскаа», в СІЛ: «И гониша их до Мечи до реки, и тамо бежащих безчисленное множество избиено бысть. Княжи же полци гоняще били содомлян и до стану их и полониша богатства много и вся имена их и стада вся татарьскаа», в НЛДубр: «И гониша их и бьюще до Мечи реки и до станов их, и взяша все богатство их и стада, и тамо бежащих безчисленное множество погибоша».³⁸

Как уже говорилось, в повести по списку Дубровского в сравнении с НІВЛ, СІЛ и другими летописями имеются дополнительные чтения. Это и отдельные слова и фразы, и большие эпизоды, которые, как считает С. Н. Азбелев, находились в «Летописной повести» изначала. Мы не будем перечислять их здесь, они почти все приведены в статье С. Н. Азбелева.³⁹ Остановимся на тех, которые, по словам С. Н. Азбелева, делают «Летописную повесть» списка Дубровского «уникальной».

³⁷ Чтение списка Дубровского «с полочаны» по отношению к НІВЛ и СІЛ вторично. Андрей Полоцкий едва ли мог прийти к Дмитрию «с полочаны», так как, согласно летописным данным, он в 80-х годах XIV в. был псковским князем (см.: Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941).

³⁸ Как уже отмечалось, это выражение списка Дубровского отступает от текста Троицкой летописи: слова «и бьюще» в тексте рассказа Троицкой летописи отсутствуют (см. с. 9).

³⁹ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве. . . , с. 166—168.

К тексту, входившему в состав первоначального варианта «Летописной повести», С. Н. Азбелев относит три больших эпизода повести списка Дубровского, о которых уже упомянулось выше: 1) об уряжении полков, 2) о «потаенном полку» князя Владимира Андреевича, 3) о поисках раненого великого князя.

Рассказ об уряжении полков, где описывается расположение полков перед битвой, находится в списке Дубровского (л. 250—250 об.) между фразами повести НІVЛ, СІЛ и других летописей, которые следовали в них одна за другой: «Князю же прешедшу за Дон в поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы-реки» и «Господь бог един вожааше его». Рассказ об уряжении полков, начинающийся словами «И став ту князь великий, по достоянию полки разрядив», кончается фразой: «Исполчився, поидоша противу себе».⁴⁰ Слова «поидоша противу себе» обозначают начало битвы. После них должно было бы последовать сообщение о самой битве. Однако в повести списка Дубровского в соответствии с текстом повести НІVЛ, СІЛ и других летописей начало битвы описывается много далее. Поэтому вставной характер этих слов (и всего отрывка в целом) здесь очевиден.

Рассказ о выступлении «потаенного полка» в списке Дубровского вклинивается в текст повести по НІVЛ, СІЛ и другим летописям между фразами, также следующими в них одна за другой: «. . . и размесипаша, кождо бо своего супротивника искаше победити», и «И рече к собе Мамай».⁴¹ В этом отрывке, рассказывающем о выступлении в острый момент битвы «потаенного полка» «благородного и храброго» брата великого князя — Владимира Андреевича, сообщается о том, что великого князя «велми язвиша и с коня збиша». Между тем далее в тексте повести списка Дубровского, в полном соответствии с текстами повести НІVЛ, СІЛ и других летописей, о великом князе говорится, что, хотя «вес доспех» его был «бит на нём, но на телеси его раны не бысть никоеже». В списке Дубровского налицо противоречие, которого безусловно не могло быть в первоначальном тексте. Рассказ о «потаенном полку» — явная вставка в списке Дубровского.

⁴⁰ «И став ту князь великий, по достоянию полки разрядив и воеводы учинив. И быша у него тогда в передовом полку по божественей вере самобратныи князь Ондрей и Дмитрей Олгердовичи, да боярин и воевода Микула Васильевич, да князь Федор Романович Белозерский. А у себя же имяше князь великий Дмитрей в полку некоего боярина своего и воеводу Ивана Родивоновича Квашню, да боярина же своего и воеводу Михаила Брянка, да князя Ивана Васильевича Смоленского. А в правой руке воеводы учини князя Андрея Фодоровича Ростовского, да Федора Грунку, да князя Ондreja Федоровича Стародубского. В левой руке воеводы учини князя Васильевича Ярославского, да Лва Морозова, да князя Федора Михайловича Моложского. В сторожевом полку тогда воеводы учини Михайла Иванова, сына Окинфовича, да князя Семена Костянтиновича Оболенского, да брата его князя Ивана Поружского (Тарусского? — М. С.), да Андрея Серкиза. Иныя же свои полки многи разрядив и воеводы учини. В западном же полку в дубравах утаив благороднаго и храбраго брата своего князя Владимира Андреевича, да с ним некоего мужа мудра и храбра Дмитрия Михайловича Волицца, да князя Романа Михайловича Брянского, да князя Василя Михайловича Кашинского, да князя Романовича Новосильского. Исполчився, поидоша противу себе» (список Дубровского, л. 250—250 об.). По-видимому, в этом отрывке повести списка Дубровского произошла двойная вставка в текст: одна, кончавшаяся словами «. . . да князя Романовича Новосильского», другая, состоявшая из слов «поидоша противу себе».

⁴¹ «И за мал час знамян болших не подсекоша, а самого же великого князя велми язвиша и с коня збиша. При часе же девятом глаголаше Вольный князю Владимиру Андреевичю: „Время ти, господине княже“. И тогда потаенный полк благородный храбрый брат великого князя Владимира Андреевич с своими полки удари на татары. И бысть сеча велика, яко и земли двизатися, а Дон-река кровью протече, а главы, аки камене, вялахуся в дуброве» (список Дубровского, л. 252).

Вставкой в списке Дубровского является и третий его большой эпизод, рассказывающий о поисках великого князя после окончания битвы и находящийся в нем между фразами «...и тамо бежащих безчисленное множество погибоша» и «Тогда же на том побоищи убыен бысть на ступе князь Федор Романович Белозерский» «Летописной повести НІVЛ, СІЛ и других летописей». ⁴² В нем, так же как и в только что рассмотренном нами вставном эпизоде списка Дубровского, сообщается, что «Федор Сабур да Григорей Холопищев наидоша великого князя в дуброве под сеченным древом велми язвена лежаще», что противоречит данным этого же списка (и сведениям НІVЛ и СІЛ), что великий князь ранен не был.

Нелогичный и, по-видимому, вставной характер имеет в списке Дубровского фраза «и вся сила литовская» в отрывке, где говорится о бегстве татар. ⁴³ О бегстве литовских войск во главе с Ягайло в списке Дубровского и соответственно НІVЛ и СІЛ говорится только далее, в другом отрывке повести. Здесь же эта фраза о «литве», бегущей под начальством Мамаея, выпадает из текста. ⁴⁴

Как мы убедились, положение С. Н. Азбелева о первичном характере приведенных эпизодов в списке Дубровского опровергается полностью. Наличие в этом списке следов стыка разных источников и текстовых противоречий свидетельствует о том, что дополнительный по отношению к повести НІVЛ и СІЛ в нем материал — вставки в его текст.

Итак, отдаленность повести списка Дубровского и от рассказа Троицкой летописи, и от «Слова на рождество Христово о пришествии волхвов» — источников «Летописной повести», пропуски, явные вставки и в целом ряде случаев противоречия в его тексте говорят о позднем происхождении этого варианта сравнительно с текстами в НІVЛ и СІЛ.

Рассмотрим все же доводы С. Н. Азбелева, на основании которых он считает, что текст повести списка Дубровского «более первоначальный, чем в Новгородской IV и Софийской I летописях». ⁴⁵

В двух случаях С. Н. Азбелев опирается на мнение А. А. Шахматова. А. А. Шахматов в «Отзыве» на работу С. К. Шамбинаго высказал суждение о том, что два чтения списка Дубровского кажутся ему «более первоначальными», чем чтения НІV и СІЛ. Первое из них, следующее за рас-

⁴² «Тогда же бе и руси избито множество. И тогда же возрадовашеся радостию великою благородный храбрый князь Владимир Андреевич о побежении агарян. И востав, повеле на костех трубити собранными трубами. И не обретоса тогда в собрании сам благородный и великий князь Дмитрией Иванович. И оскорбеса тогда благородный князь Влади Дмитрии мер (*так!*) Андреевич и с ним оставши вои его. И повеле князь Владимир искати великого князя в трупия жива или умрша и глаголя: „Аще есто найдет первоначальника нашему спасению, сей первый будет“. И разидошася полцы по дубравам, и начаша искати великого князя. И некто от благородных храбрых воин, костромичи родом, и быша в полку у воеводы Ивана Родивоновича, — Федор Сабур да Григорей Холопищев, наидоша великого князя в дуброве под сеченным древом велми язвена лежаще. Падше, поведаша ему, яко побежени быша агаряне милостию вседержителя бога и твоим благородным подвигом. И тогда приидоша к нему брат его, князь Владимир Андреевич, и вси вои его падше пред ним. И поведаша ему побежение агарян. И тогда благородный великий князь Дмитрией Иванович встав и доиде брата своего князя Владимира и все воинство свое здраво, а погании побежени. И возрадовася духом зело, глаголя: „Слава тебе, господи вседержителю, боже и творче всяческих, яко сотворил еси нам сие по велице милости твоей и не попусти врагом нашим в конец одолети за наша согрешения, и помилова нас по велицей своей милости“. Тогда целовав брата своего и вся оставши его воеводы и воинство и нача ездити по побоищу. И наеха тогда убитых воевод своих на побоищи» (список Дубровского, л. 253—254).

⁴³ Список Дубровского: «И то слышавше темныя его (Мамаея, — М. С.) вси власти князи, вся сила татарская и вся сила литовская и побегоша» (л. 253).

⁴⁴ О вставках в текст списка Дубровского, находящихся в зависимости от Троицкой летописи и «Слова на рождество Христово о пришествии волхвов», говорилось выше.

⁴⁵ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве. . . , с. 169.

сказом о том, что русские войны видели помогающие им небесные полки, возглавляемые святыми и воеводой «небесных сил» архистратигом Михаилом, читается так, в НІВЛ: «Двои воеводы видеша полци, тресолнечный полк, и пламенные их стрелы, яже идуть на них»,⁴⁶ в СІЛ: «Видеша погании полци двои воеводы, тресолнечныя полки и пламенныя их стрелы, яже идуть на них»; в списке Дубровского: «Тако же и погании видеша полки по воздуху парящих и избивающе их немилостивно, двои воеводы, 3 солнечные полки и пламенныя их стрелы, яже идуть на них» (л. 252 об.). «Смысл этой последней фразы, — пишет А. А. Шахматов по поводу списка Дубровского, — гораздо яснее: поганые (вероятно, названные при этом половцами, что переделано в полцы) видели двух небесных воевод и три полка с пламенными стрелами, шедших на них. Между тем в Соф. 1-й и Новгород. 4-й выходит, что двое воевод (московских?) видели это, причем дальнейшее „на них“ не заменено более подходящим „на татар“ или „на поганах“».⁴⁷

С аргументами А. А. Шахматова согласиться трудно. Текст НІВЛ действительно испорчен перестановкой слов, но из СІЛ следует, что «полци» — татарские, а воеводы — небесного воинства. Что же касается списка Дубровского, то именно его чтение представляется неясным, так как в нем оказывается дважды повторен рассказ о видении: первый заключается во фразе «Тако же и погании видеша полки по воздуху парящих и избивающе их немилостивно» (л. 252 об.), а второй — во фразе, совпадающей с чтением НІВЛ (но с пропуском слов «видеша полци»). При этом последняя фраза в списке Дубровского настолько испорчена, что вывести из нее ни текст СІЛ, ни даже текст НІВЛ просто невозможно. Создается впечатление, что текст повести в списке Дубровского, восходящий к НІВЛ, разрезан вставкой «Тако же и погании видеша полки по воздуху парящих и избивающе их немилостивно», взятой из другого источника.⁴⁸ Интересно, что точно такая же фраза («Тако же и погании видеша полки по воздуху парящих и избивающе их немилостивне») читается в «Летописной повести» сводов конца XV—XVI вв. — Ермолинской, Прилуцкой (свод 1497 г.), Уваровской (свод 1518 г.) и Львовской летописях;⁴⁹ причем в этих летописях в отличие от списка Дубровского дублировка отсутствует: слова «по воздуху парящих и избивающе их немилостивне» заменяют здесь образ «пламенных стрел», о которых повесть этих летописей вообще не упоминает.

Следующее чтение, приводимое А. А. Шахматовым, на которое ссылается С. Н. Азбелев, — это «и прочте псалма того» (л. 251 об.), добавленное в списке Дубровского к словам, произнесенным великим князем перед началом битвы: «Братие! Бог нам прибежище и сила». Добавочного чтения списка Дубровского — «и прочте псалма того» — нет ни в одном известном списке «Летописной повести», и считать это, в общем случайное, чтение первоначальным без каких-то ни было доказательств нет основа-

⁴⁶ Так выглядит эта цитата в передаче А. А. Шахматова (Отзыв. . . , с. 111), но в большинстве списков после слова «полци» добавлено «погании».

⁴⁷ Там же, с. 111.

⁴⁸ В НІВЛ рассматриваемая фраза следует после слов «архистратига Михаила» (с. 320); в списке Дубровского после этих же слов следует фраза «Тако же и погании. . . их немилостивно», а далее продолжается прерванный текст НІВЛ.

⁴⁹ В Ермолинской: «Тако же и погании видеша полки по воздуху парящих, избивающих немилостивне» (ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, с. 126; далее: Ермолинская); в Прилуцкой: «Тако же и погании видеша полки по воздуху парящих и избивающе их немилостивне» (ПСРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1963, с. 82; далее: Прилуцкая); в Уваровской: «Тако же и погании видеша полки по воздуху парящих и избивающих немилостивне» (ПСРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1963, с. 245; далее: Уваровская); в Львовской: «Тогда же погании видеша полки по воздуху парящих и избивающих немилостивна» (ПСРЛ, т. XX, 1-я половина. СПб., 1910, с. 201; далее: Львовская).

ний. Заметим, что А. А. Шахматов высказывался о нем весьма осторожно: «...быть может, и это чтение более первоначально».⁵⁰

Сам С. Н. Азбелев выдвигает следующие аргументы в пользу первоначальности текста повести в списке Дубровского. Он считает, что в конечной части «Летописной повести», в отрывке, где идет речь о поведении Олега Рязанского после битвы, текст НІVЛ и СІЛ «несомненно испорченный».⁵¹ Приводим его по НІVЛ, СІЛ и списку Дубровского. В НІVЛ и СІЛ: «И се внезапно приехаше к нему бояри рязаньский и поведаша, что князь Олег поверг свою землю (свою отчину, землю Рязанскую — СІЛ), да (а — СІЛ) сам побежал и с княгинею, и с детми, и з бояри (с бояры — СІЛ), и молиша его много о семь, дабы на них рати не слал (посылал — СІЛ)»; в списке Дубровского: «И се внезапно приехаша к нему бояре рязансти и поведаша, что князь Олег поверг свою отчину, землю рязанскую, да сам побегл и со княгинею и з детми. И бояря рязанстии молиша великого князя о сем, дабы на них рати не посылал» (л. 256). Испорченность текста НІVЛ и СІЛ по сравнению со списком Дубровского С. Н. Азбелев видит в том, что рязанские бояре сами же и сообщают великому князю, что Олег Рязанский бежал «с бояры». Кроме того, пишет С. Н. Азбелев, бояре «просят Дмитрия, чтобы тот „на них (т. е. на убежавших, — С. А.) рати не послал“ (из дальнейшего видно, что речь должна была идти о возможной посылке рати на самих просителей)». Произошла «ошибка писца, — пишет далее С. Н. Азбелев, — в одной букве („...и з детми. И бояры...“⁵² → „...и з детми, и з бояры...“), что «неизбежно» вызвало «перееммысленные содержания» и «дальнейшее изменение текста».⁵³

Недоумения, возникшие при объяснении этого отрывка об Олеге Рязанском «Летописной повести», получают разъяснение, если мы будем считать, что рассказ этот основан на кратком рассказе 1380 г. Троицкой летописи, который читается в ней так: «И се внезапно в то время приехаша к нему князи рязанстии и поведаша ему, что князь Олег поверг свою землю, да сам побежал и с княгинею, и з детми, и с бояры, и с думцами своими, и молиша его о сем, дабы на них рати не слал».⁵⁴ Как видим, с этим отрывком Троицкой летописи сходствует в чтениях не повесть списка Дубровского, а повесть НІVЛ и СІЛ, разнясь с ним, впрочем, как и повесть списка Дубровского, лишь в одном слове — «князи». Список Дубровского следует в этом отрывке уже за НІVЛ и СІЛ: в нем, так же как и в повести этих летописей, чтение «князи» перешло уже в «бояре». Чтение же «...и з детми. И бояря» в нем — вторично.

Несуразностей, о которых говорит С. Н. Азбелев, в тексте повести по НІVЛ и СІЛ нет никаких, текст был просто неправильно прочтен им. Рязанские бояре, сообщив Дмитрию, что их князь вместе с княгинею, детьми и частью бояр ушел из княжества, просят, чтоб великий князь на них, оставшихся бояр, за этот проступок их князя рати бы не посылал. Нет никакого противоречия в том, что бояре говорят о бегстве бояр же. Одни бояре могли бежать, другие — остаться в Рязанском княжестве. Заметим к слову, что тема «верных бояр» для свода 1448 г., к которому восходят НІVЛ и СІЛ, вообще типична.⁵⁵

⁵⁰ А. А. Шахматов. Отзыв... с. 111.

⁵¹ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве... с. 169.

⁵² Заметим, что в списке Дубровского читается: «...и з детми. И бояря...» (л. 256).

⁵³ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве... с. 169—170.

⁵⁴ М. Д. Приисклов. Троицкая летопись, с. 420.

⁵⁵ Так, под 1246 г. в НІVЛ и СІЛ рассказывается о боярине Творимире, мудрых советов которого послушались Юрий и Ярослав Всеволодовичи и потерпели поражение в Липецкой битве; под 1447 г. упоминаются верный слуга Василия II — Федор Басе-

Таким образом, доводы С. Н. Азбелева в пользу первоначальности текста списка Дубровского в эпизоде повести об Олеге Рязанском не убедительны.

Кроме рассказа 1380 г. Троицкой летописи, «Слова на рождество Христово о пришествии волхвов», источниками «Летописной повести» о Куликовской битве считаются Повесть (или Житие) об Александре Невском, паремийное чтение о Борисе и Глебе, Библия.⁵⁶ По мнению С. Н. Азбелева, в пользу первоначальности повести списка Дубровского говорят следующие факты: 1) «... в пассажах, которые составляют особенность НЛДубр», так же как и в остальном тексте повести по списку Дубровского, прослеживается связь с Библией; 2) список Дубровского на всем своем протяжении (в том числе и в отрывках, которые составляют его особенность) текстологически тесно связан с той разновидностью Жития Александра Невского, которая представлена в рукописи из собрания Н. П. Лихачева; 3) фраза «Летописной повести» — «утер поту своего», перекликающаяся с паремийным чтением о Борисе и Глебе, в повести списка Дубровского передана именно в том словесном выражении, в каком она находится в этом источнике «Летописной повести».⁵⁷ «Если, — пишет С. Н. Азбелев, — считать, что текст в НЛДубр есть результат внесения дополнений в извод повести, который сохранили Новгородская IV, Софийская I и другие летописи, то придется... признавать вторичное привлечение (этих, — М. С.) трех литературных источников»,⁵⁸ — что кажется С. Н. Азбелеву неестественным.

Вторичное обращение к источнику своего источника для древнерусских памятников вообще не является «неестественным»,⁵⁹ но суть дела в том, что этой, указанной С. Н. Азбелевым, связи списка Дубровского с названными памятниками не существует. Обратимся к фактам.

С. Н. Азбелев считает, что в отрывке списка Дубровского «Мамай же слышав приход великого князя Дмитрия Ивановича и изсеченныя своя видев, и возярися зраком и смутися сердцем и умом и распалися лютою яростию, аки аспида некая гневом дышущи» (л. 249), «отразилось выражение, дважды встречающееся в Евангелии Иоанна — XIV, 1 27».⁶⁰ «Да не смущается сердце ваше, веруйте и в мя веруйте» (1); «Да не смущается сердце ваше, ни устрашает» (27).

Но С. Н. Азбелев забывает о том, что слова этого отрывка списка Дубровского (выделенные разрядкой), за исключением «сердцем и», — буквальное заимствование «Летописной повестью» НЛД и СЛ тех же самых

нок и другие его верные бояре — Семен Филимонов, Иван Ощера, Михаил Плещеев.) Тема «любимых бояр» поднимается особо в одном из произведений этого свода — «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, даря Русьского».

⁵⁶ Об этом писали еще С. М. Соловьев, С. К. Шамбинаго, А. А. Шахматов (см.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» О Куликовской битве... с. 364).

⁵⁷ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве... с. 170—171.

⁵⁸ Там же, с. 171.

⁵⁹ Вторичное обращение к источнику для древнерусского книжника было простым рабочим приемом. Так, например, «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, даря Русьского», находившееся под влиянием «Летописной повести» о Куликовской битве и использовавшее с ней одни и те же источники, не просто повторяет цитаты из этих источников, содержащихся в «Летописной повести», а самостоятельно обращается к ним (см.: М. А. Салмина. «Слово о житии...», с. 95—97). Вторично обращались к Еллинскому летописцу — источнику редакции Хронографа 1512 г. новые редакции этого памятника: Западнорусская редакция и Пространная редакция Хронографа (см.: О. В. Творогов. Древнерусские хронографы. М.—Л., 1975, с. 44). Также вторично обращался к Еллинскому летописцу составитель Хронографа 1617 г., основанного на редакции 1512 г.

⁶⁰ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве... с. 170.

слов из «Слова на рождество Христово о пришествии волхвов»;⁶¹ в том числе заимствовано из этого источника и слово «смутися». Слово «сердце», как уже говорилось выше,⁶² было добавлено в отрывок самим писцом списка Дубровского. Таким образом, ни о каком влиянии Евангелия в данном случае не может идти и речи, не говоря уже о том, что по повести списка Дубровского «смутися сердцем и умом» Мамай, а в Евангелии «смущается» сердце.

Далее, С. Н. Азбелев считает, что в эпизоде списка Дубровского, рассказывающем о поисках великого князя на поле битвы (как мы убедились — вставном), «использовано Евангелие Луки — XIII, 30 (сходно с Ев. Матфея — XIX, 30) и X, 21; использован также псалом LI, 3».⁶³ Однако приведенное С. Н. Азбелевым сравнение непонятно, так как никакой аналогии в этом отрывке с указанными местами Евангелия нет. В Евангелии от Луки XIII, 30 читаем: «И се суть последнии, иже будут перви и суть первии, иже будут последнии»; в Евангелии от Матфея XIX, 30: «Мнози же будут перви последнии и последнии первии». Даже если предположить, что С. Н. Азбелев обнаружил сходство с Евангелием во фразе, произносимой князем Владимиром Андреевичем: «. . . аще есто найдет первоначальника нашему спасению, сей первый будет», т. е. кто найдет великого князя, тот будет первый, — то смысл и конструкция ее настолько далеки от евангельского выражения, что эта параллель совершенно неприемлема.

Что касается зависимости указанного фрагмента повести от чтения Евангелия от Луки X, 21, то с евангельским текстом на протяжении всего пространного текста фрагмента могут быть сближены только два слова (они выделены разрядкой): «. . . и тогда благородный великий князь Дмитрий Иванович встав и доиде брата своего князя Владимера и все воинство свое здраво, а погании побезении и в о з р а д о в а с я д у х о м зело, соглаоря: „Слава тебе господи вседержителю боже и творче всяческих, яко створил еси нам сие по велице милости твоей, и не попусти врагом нашим в конец одолети за наша согрешения, и помилова нас по велицей своей милости“» (л. 253 об. — 254).⁶⁴ Но, во-первых, в целом окружающий контекст в Евангелии и повести настолько различен, что сближать оба памятника на основании одного словосочетания едва ли допустимо. Во-вторых, любопытно, что выражение «возрадовася духом» встречается и в других памятниках, например в Никоновской летописи в статье 1399 г., при этом опять-таки окружающий текст никак не соотносится с текстом Евангелия.⁶⁵ Следовательно, говорить о связи повести списка Дубровского именно с евангельским текстом нет оснований.

Аналогии же упоминаемому С. Н. Азбелевым чтению из Псалтыри (Псалом LI, 3: «. . . что хвалишися во злобе сильне беззаконие весь день») в списке Дубровского нам вообще не удалось обнаружить.

Далее, С. Н. Азбелев утверждает, что повесть списка Дубровского имела своим образцом Житие Александра Невского в той версии, которая находится в сборнике из собрания Н. П. Лихачева (далее: Житие Лих).⁶⁶

⁶¹ См.: В. П. Андрианова-Перетц. Слово о житии. . . , с. 87.

⁶² См. с. 9.

⁶³ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве. . . , с. 170.

⁶⁴ Ср. Евангелие от Луки X, 21: «В той час возрадовася духом Иисус и рече: Исповедаю ти ся, отче, господи небесе и земли, яко утаил еси сия от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем: еи, отче, яко тако бысть благоволение пред тобою».

⁶⁵ «И якоже срет честне святую икону и, видев ю, возрадовася духом и веселием сердца и со слезами и радостью поклонение сътвори» (ПСРЛ, т. XI. М., 1965, с. 179).

⁶⁶ Житие Александра Невского по списку Н. П. Лихачева издано, см.: В. М. Ансикка. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. — ПДПИ т. CLXXX. СПб., 1913, с. 125—137 (далее ссылки на страницы этой работы).

Напомним, что С. К. Шамбинаго считал источником «Летописной повести» Повесть об Александре, находящуюся в СИЛ и Воскресенской летописях.⁶⁷ Хотя нам представляется, что источником ее был вариант, близкий к сохранившемуся в Новгородской I летописи младшего извода.⁶⁸

Если в Житии Лих предположить источник первоначального текста «Летописной повести», то это вошло бы в противоречие с историей сложения «Летописной повести», так как Житие Лих, согласно последнему исследованию о нем, датируется временем не ранее конца XV в.⁶⁹ Связь Жития Лих со списком Дубровского засвидетельствовала бы лишь позднее происхождение повести в этом списке. Но посмотрим, существует ли связь между Житием Лих и повестью списка Дубровского вообще.

С. Н. Азбелев в доказательство выдвинутого им положения приводит 6 текстологических параллелей из повести списка Дубровского и Жития Лих.⁷⁰

Две параллели отпадают сразу, так как к Житию Александра Невского они вообще не имеют отношения. Слова «князи»⁷¹ и «с победою великою» (л. 256), находящиеся также и в тексте НИУЛ и СИЛ, входят в состав тех эпизодов повести, которые созданы под влиянием краткого рассказа «о побоище иже на Дону» Троицкой летописи.

Отпадает в сущности и третья приводимая С. Н. Азбелевым параллель — наличие в обоих памятниках слов «и рече», которые предваряют молитву, приносимую князем Дмитрием Донским в «Летописной повести» и Александром Невским в Житии, когда они узнают о надвигающемся нашествии врагов (в НИУЛ и СИЛ: «и глаголя»).⁷² Эта параллель настолько ничтожна, что могла бы иметь какое-то значение лишь в массе сходствующих в обоих памятниках чтений, но таковые отсутствуют.

Следующая параллель, приводимая С. Н. Азбелевым, — выражение «яко бысть в 6 час дни» во фразе списка Дубровского «яко бысть в 6 час дни нача появливатися погании измалтяне окоянный татарове в поле чисте и велице зело» (л. 251) и «в 6-и час дни» во фразе Жития Лих «Оттоле потчаща наехати на них в 6-й час дни».⁷³ Но гораздо более близкая параллель к чтению списка Дубровского и в том же самом контексте обнаруживается в сводах конца XV—XVI вв. — в Ермолинской, Прилуцкой, Уваровской и Львовской летописях в тексте находящейся в них «Летописной повести». Здесь читается: «И яко бысть в 6 час дни начаша появливатися окаянии татары в поле чисте».⁷⁴ Этот факт заслуживает тем большего

⁶⁷ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, с. 60—64.

⁶⁸ М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве. . . , с. 365—368.

⁶⁹ Ю. К. Бегунов. Житие Александра Невского в сборнике из собрания Н. П. Лихачева. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 70.

⁷⁰ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве. . . , с. 170—171.

⁷¹ С. Н. Азбелев полагает, что слово «князи» («. . . и со всеми прочими князи ординскими») в списке Дубровского (л. 245) появилось под влиянием выражения «с князьми» («И собра силу велику, съвещася с князьми и с епискушы своими») Жития Лих (с. 127).

⁷² В списке Дубровского: «Се же слышав князь великий Дмитрий Иванович и иде к соборней церкви матери божия Богородици и пролия слезы и рече» (л. 246); в Житии Лих: «Александр же, слышав то, словеса их, разгореся сердцем и ввиде в церковь святыя Софья, пад на колену пред олтарем, нача молитися со слезами святой Софьи, поминая исправленыя родители своих, и рече» (с. 128).

⁷³ В НИУЛ: «И бысть в шестую годину дни, начаша появливатися погании измаилтяне в поле, бе бо поле чисто и велико зело» (с. 318); в СИЛ: «И бысть в шестую годину дни, начаша появливатися окаянии измаилтяне в поле чисте» (с. 94).

⁷⁴ Так в Ермолинской (с. 125), Прилуцкой (с. 82), Уваровской (с. 245) летописях. Во Львовской: «. . . яко бысть во третий час дни, и начаша появливатися окаянии татарове в поле чисте» (с. 201).

внимания, что уже одну параллель в списке Дубровского и повести названных летописей мы уже приводили (см. с. 13).

Как утверждает С. А. Азбелев, Житие Лих повлияло и на тот отрывок списка Дубровского, в котором речь идет о выступлении «потаенного полка». ⁷⁵ «Весь оборот НЛДубр „яко и земли двизатися“, — пишет он, — несомненно навеян здесь житием». ⁷⁶ Но этот оборот вставного эпизода списка Дубровского гораздо теснее связан с тем, который находился в повести о Куликовской битве опять-таки Ермолинской, Прилуцкой, Уваровской и Львовской летописей. Он читается здесь точно так же: «. . . яко и земли двизатися». ⁷⁷ Этот оборот повести в Ермолинской летописи и связанных с ней летописей возник из читающегося еще в НІУЛ и СІЛ выражения: «. . . яко основанию земному подвизатися», ⁷⁸ очевидно, при сложении Ермолинской летописи, когда сокращались и летописный свод, являвшийся ее источником, и «Летописная повесть», находящаяся в нем: ⁷⁹ оба приведенных выражения читаются в названных летописях в одном и том же месте повести, где рассказывается о переходе Дона, в обоих случаях они — образ несметного количества движущегося войска.

Таким образом, налицо третий случай совпадения в чтениях повести списка Дубровского с «Летописной повестью» Ермолинской и связанных с ней летописей.

Но сличение повести списка Дубровского и этих летописей на всем протяжении их текста обнаруживает еще целый ряд совпадений. Так, только в этих памятниках читаем: «Мамай ста за Доном со всеми силами» ⁸⁰ (л. 247), князь великий «помолися во церкви» (л. 247 об.), ⁸¹ Дмитрий получает вести «про поганых» (л. 248), ⁸² «приде» грамота (л. 248 об.), ⁸³ начали появляться «погании измалтяне окоянные татарове

⁷⁵ Список Дубровского: «И тогда потаенный полк благородный храбрый брат великого князя Владимира Андреевич с своими полки, удари на татары. И бысть сеча велика, яко и земли двизатися, а Дон-река кровью потече, а главы, аки камение, валяхуся в дуброве» (л. 252). Житие Лих: «И бысть ту сеча зла и велика немцем и чюди, трук от коший ломления, звук от мечнаго сечения, яко же и морю померзшу двигнутися, и не бе видети леду, покрыло все кровию» (с. 132).

⁷⁶ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве. . . , с. 171.

⁷⁷ Так в Ермолинской (с. 125), Прилуцкой (с. 82), Львовской (с. 201) летописях; в Уваровской: «. . . яко земли двизатися» (с. 245).

⁷⁸ Выражение «яко основанию земному подвизатися» читается и в списке Дубровского (л. 250) в том же самом месте, что и в повести НІУЛ и СІЛ — при описании перехода войск через Дон.

⁷⁹ См.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве. . . , с. 348—349, прим. 23.

⁸⁰ Примеры в тексте приводятся по списку Дубровского. В Ермолинской (с. 125), Прилуцкой (с. 81), Уваровской (с. 244), Львовской (с. 201): «Мамай ста в поле близ Дону со всеми силами»; в НІУЛ (с. 314): «В то же время Мамай ста за Доном»; в СІЛ (с. 91): «Мамай же ста за Доном»; в Никаноровской: «Мамай ста за Доном» (ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962, с. 72; далее: Никаноровской); в своде 1479 г.: «А Мамай ста за Доном» (ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 202; далее: свод 1479 г.); в сводах 1493 и 1495 гг. нет (ПСРЛ, т. XXVII, с. 252, 332; далее: свод 1493 г., свод 1495 г.).

⁸¹ В Ермолинской (с. 125): «помолися церкви»; в Прилуцкой (с. 81), Уваровской (с. 244): «помолися в церкви»; в Львовской (с. 201): «помолился во церкви»; в НІУЛ, СІЛ, Никаноровской, сводах 1479, 1493, 1495 гг. — нет.

⁸² В Ермолинской (с. 125), Прилуцкой (с. 82), Уваровской (с. 244), Львовской (с. 201): «про поганых (поганые *Львовская*)»; в НІУЛ (с. 315): «от поганых»; в СІЛ (с. 92): «о поганых»; в Никаноровской (с. 73): «от поганых»; в своде 1479 г. (с. 202): «о поганых»; в своде 1493 г. (с. 252) и своде 1495 г. (с. 331) — нет.

⁸³ Так и в своде 1479 г. (с. 202): «приде» грамота; в Ермолинской (с. 125), Прилуцкой (с. 82), Уваровской (с. 244): «приде» грамота; в Львовской (с. 201): «приде» грамота; в НІУЛ (с. 316), СІЛ (с. 93), Никаноровской (с. 73): «приспела» грамота; в своде 1493 г. (с. 252), в своде 1495 г. (с. 332): «приспе» грамота.

в поле чисте» (л. 251),⁸⁴ «на род христианский» (л. 252 об.),⁸⁵ «тогда же бе и руси избито множество» (л. 253).⁸⁶ В повести только этих летописей содер­жится слово «исполчився» (ополчися *Житие Лих*),⁸⁷ отделенное в спи­ске Дубровского от слов «на усть Непрядвы-реки» описанием расположе­ния полков, в летописях же следующее непосредственно за этими словами (см. с. 11). Повесть только этих летописей содержит и фразу списка Дуб­ровского: «. . . утер поту своего с дружиною своею», особая близость ко­торой в списке Дубровского к паремийному чтению о Борисе и Глебе позволила С. Н. Азбелеву говорить о первоначальности текста повести списка Дубровского по отношению к повести НІV и СІЛ.⁸⁸

Мы убедились, таким образом, что повесть списка Дубровского тек­стологически никак не зависит от Жития Лих. Не испытывала она также ни особого воздействия паремийного чтения о Борисе и Глебе, о котором говорит С. Н. Азбелев, ни влияния в дополнительных эпизодах Библии. Поэтому основанные на этом построения С. Н. Азбелева в пользу перво­начальности повести списка Дубровского отпадают. Связь повести списка Дубровского с Библией и паремийным чтением о Борисе и Глебе ограни­чивается теми же самыми чертами, какие существуют и для повести НІVЛ и СІЛ. Выяснилось также, что нельзя считать повесть списка Дубровского первоначальной и на основании отдельных ее чтений. Анализ приводимых С. Н. Азбелевым примеров в пользу первичности текста повести списка Дубровского не подтверждает его выводов.

Напротив, как показывает текстологическое исследование повести списка Дубровского, и противоречия в ее тексте, и вставной характер ее эпизодов, и наличие уже нарушенной текстовой связи с основными источниками «Летописной повести» — кратким рассказом Троицкой летописи, «Словом на рождество Христово о пришествии волхвов», — всё говорит за то, что по сравнению с повестью НІVЛ и СІЛ ее текст поздний. При этом обнаруживается, что все характерные для повести списка Дуб­ровского текстовые отличия являются индивидуальной ее особенностью. Обращение к «Летописной повести» о Куликовской битве, так называемой Новгородской Уваровской летописи,⁸⁹ восходящей, по определению С. Н. Азбелева, вместе с НЛДубр к единому источнику — своду 1500—1505 гг., показало, что никаких особенностей списка Дубровского в по­вести Новгородской Уваровской летописи нет. Не было их, очевидно,

⁸⁴ В Ермолинской (с. 125), Прилуцкой (с. 82), Уваровской (с. 245), Львовской (с. 201): «. . . окаянии татарове (татары *Уваровская*) в поле чисте»; в НІVЛ (с. 318): «. . . поганин измалтяне в поле, бе бо поле чисто и велико зело»; в СІЛ (с. 94), Никаноровской (с. 74), своде 1479 г. (с. 203): «. . . окаянии измаилтяне в поле чисте»; в своде 1493 г. (с. 253) и в своде 1495 г. (с. 332) — нет.

⁸⁵ В Ермолинской (с. 126), Прилуцкой (с. 82), Уваровской (с. 245), Львовской (с. 201): «на род хрестьянский»; в НІVЛ (с. 320), СІЛ (с. 95), Никаноровской (с. 74): «и на вся крестьяны»; в своде 1479 г. (с. 204): «на полки хрестьянская»; в своде 1493 г. (с. 253) и в своде 1495 г. (с. 332) — нет.

⁸⁶ В Ермолинской (с. 126): «. . . тогда же Руси множество бе избито»; в Прилуцкой (с. 182), Уваровской (с. 245): «. . . тогда же и Руси (Русь *Прилуцкая*) избито бе мно­жество»; в Львовской (с. 201): «. . . тогда же и Руси бо избито много множество»; в НІVЛ, СІЛ, Никаноровской, сводах 1479, 1493, 1495 г. г. — нет.

⁸⁷ С. Н. А з б е л е в. Повесть о Куликовской битве. . . , с. 171.

⁸⁸ В Ермолинской (с. 126), Львовской (с. 202): «. . . утер поту с дружиною своею»; в Прилуцкой (с. 82), Уваровской (с. 245): «. . . утер поту со дружиною своею»; в НІVЛ (с. 323), СІЛ (с. 96): «. . . утер поту своего»; в Никаноровской (с. 75): «. . . утер поту своего»; в своде 1479 г.: «. . . утер поту своего» (с. 205); в сводах 1493 и 1495 гг. (с. 253, 332) — нет. В паремийном чтении о Борисе и Глебе: «. . . утер пота с дружиною своего» (см.: Д. И. А б р а м о в и ч. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. — В кн.: Памятники древнерусской литературы, вып. 2. Пг., 1916, с. 124).

⁸⁹ С. Н. А з б е л е в. 1) Две редакции Новгородской летописи Дубровского, с. 222; 2) Новгородские летописи XVII века, с. 11—32.

и в повести первой редакции НЛДубр. Они появились, по-видимому, только в самом списке Дубровского (т. е. во второй редакции НЛДубр), когда первая редакция НЛДубр, как считает С. Н. Азбелев, была заменена в части до 1448 г. НІВЛ. Именно тогда, по мнению того же автора, в текст НЛДубр был внесен ряд дополнительных фрагментов, большинство из которых дополняли текст НІВЛ.⁹⁰ Тогда же, по-видимому, был пополнен в списке Дубровского новыми материалами и текст сложной здесь по НІВЛ «Летописной повести». Произошла не сверка какого-то особого извода повести, влившегося в список Дубровского извне, по НІВЛ, как пишет С. Н. Азбелев, а правка текста повести НІВЛ по дополнительным источникам.

С. Н. Азбелев придает особое значение упоминанию в «Летописной повести» списка Дубровского имени Ивана Родионовича Квашни. Он считает Ивана Квашню героем Куликовской битвы и полагает, как уже говорилось, что упоминание его имени в повести списка Дубровского явилось одной из причин включения ее в новгородский свод (т. е. НЛДубр), связанный с интересами рода Квашниных.⁹¹

Тем не менее считать Ивана Родионовича Квашню героем Куликовской битвы, как хочет того С. Н. Азбелев, у нас нет оснований. Неизвестно даже, участвовал ли Иван Квашня в Куликовской битве вообще. Единственное свидетельство о нем в летописях XV в. — Троицкой, Симеоновской — это сообщение о его смерти.⁹² Имя его упомянуто еще в числе послухов в Духовных Дмитрия Донского.⁹³

Свои заключения об Иване Квашне как герое Куликовской битвы С. Н. Азбелев делает, основываясь исключительно на повести самого же списка Дубровского, древность которого он пытается доказать, но где, как мы убедились, отрывки с именем Ивана Родионовича Квашни являются вставными.

Что касается новгородского владычного свода, т. е. списка Дубровского, в котором находится повесть, то, как показал А. Н. Насонов, он действительно отражает интересы боярского рода Квашниных в XVI в. Текст из НІВЛ в нем, пишет А. Н. Насонов, «дополнен новым материалом; в дополнениях можно проследить ряд известий, сделанных с определенной целью: возвеличения боярского рода Квашниных».⁹⁴ К дополнительным материалам списка Дубровского А. Н. Насонов относит и оба известия «Летописной повести» о боярине Иване Родионовиче Квашнине.⁹⁵

Учитывая, с одной стороны, отсутствие в повести Новгородской Уваровской летописи особенностей текста повести списка Дубровского, с другой — отмечая в повести списка Дубровского наличие тенденции, присущей заключающему ее в себе новгородскому своду, — прославления рода Квашниных, приходим к выводу, что «Летописная повесть» списка Дубровского и составлялась специально для этого свода и создана, таким образом, как и самый свод, лишь в 40-х годах XVI в.

⁹⁰ С. Н. Азбелев. 1) Повесть о Куликовской битве. . . , с. 169; 2) Две редакции Новгородской летописи Дубровского, с. 224.

⁹¹ С. Н. Азбелев. Повесть о Куликовской битве. . . , с. 169.

⁹² М. Д. Приселков. Троицкая летопись, с. 436: в 1390 г. (6898) «в великое говение преставися раб божий Иван Родионовичъ, нареченный в мнишьском чину Игнагий, и положен бысть у святого Спаса в монастыри, иже на Вьсходне».

⁹³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, с. 25, 37. Имя воеводы Ивана Квашни упоминается еще в «Сказании о Мамаевом побоище». Но так как «Сказание» — всего лишь литературный памятник о Куликовской битве, документальным свидетельством участия Ивана Квашни в этой битве оно считаться не может.

⁹⁴ А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969, с. 354.

⁹⁵ Там же, с. 355.

Как представляется, повесть списка Дубровского слагалась следующим образом. Положив в основу текст повести НІVЛ, составитель «Летописной повести» списка Дубровского поновлял его и дополнял новыми материалами. Он обращался к какому-то источнику, очень близкому к «Сказанию о Мамаевом побоище», а возможно, что и к нему самому,⁹⁶ и использовал какой-то материал для описания участвовавших в битве полков;⁹⁷ он сверял повесть НІVЛ с другими ее версиями, находящимися в других летописных сводах — в СІ и, как выяснилось, с вариантом ее, находящимся в одном из сводов конца XV—XVI вв. (Ермолинской и связанных с ней летописей), общность в чтении с которым прослеживается на всем протяжении повести.⁹⁸ «Летописная повесть» Ермолинской,

⁹⁶ Многие вставки списка Дубровского перекликаются с текстом «Сказания о Мамаевом побоище». В «Сказании» также рассказывается об «уряжении» полков перед переходом через Оку, с перечислением имен воевод (за исключением некоторых, имена эти разнятся с перечисляемыми в списке Дубровского), о попытке Владимира Андреевича выступить со своим полком, о предостережении Вольтца, о выступлении спрятанного в дубраве полка князя Владимира Андреевича, о поисках великого князя на поле битвы. При этом список Дубровского перекликается со «Сказанием» буквально даже в отдельных выражениях. Так, фраза списка Дубровского в рассказе о «потаенном полку»: «. . . самого же великого князя велми язвипа и с коня збиша» — соответствует фразе Основной редакции «Сказания»: «. . . самого же великого князя узвипа велми и с коня его збиша» (см.: Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 69; далее: Повести). Имеется перекличка и в словах (только в этих произведениях упоминаемого) Дмитрия Вольтца: «Время ти, господине княже» (список Дубровского, л. 252) — «Княже Владимир, наше время приспе» (Основная редакция «Сказания», Повести, с. 74). Отдельными выражениями совпадает со «Сказанием» и рассказ о поисках раненого князя списка Дубровского: Владимир Андреевич «повеле. . . трубити собранными трубами» (список Дубровского, л. 253 об.) — «повеле трубити в собранные трубы» (Основная редакция «Сказания», Повести, с. 72); «И не обретося. . . великий князь Дмитрей Иванович» (список Дубровского, л. 253 об.) — «. . . и не обрете великого князя» (Основная редакция «Сказания», Повести, с. 72); «. . . сей первый будет» (список Дубровского, л. 253 об.) — «. . . тый. . . првый будет» (Основная редакция «Сказания», Повести, с. 72). Почти сходно передается в обоих произведениях эпизод, где рассказывается, как был обнаружен на поле боя великий князь: «И некто от благородных храбрых воин, костромичи родом, а быша в полку у воеводы Ивана Родивоновича, — Феодор Сабур да Григорей Холопичев, наидоша великого князя в дуброве под сеченым древом велми язвена лежаще» (список Дубровского, л. 253 об.) — «. . . два же етера въина уклонишася на десную страну в дуброву, един имянем Федор Сабур, а другой Григорей Холопичев, оба родом костромичи, . . . наехаша великого князя бита и язвена велми и трудна отдыхающа ему под сению сечена древа» (Основная редакция «Сказания», Повести, с. 73); сходствуют в обоих памятниках выражения «. . . и нача ездити по побоищу» (список Дубровского, л. 254) — «. . . и нача. . . ездити по боищу» (Основная редакция «Сказания», Повести, с. 73); перекликаются со «Сказанием о Мамаевом побоище» (фразы списка Дубровского, вклинивающиеся в текст НІVЛ и СІЛ: «. . . восхоте наперед подвизатися» (л. 251) и «. . . но воеводы удержаша его, не даша ему наперед своим полком битися» (л. 251 об.) — «. . . и въсхоте прежде всех сам битися» (Основная редакция «Сказания», Повести, с. 67), «. . . мнози же русские богатыри удръжавше его. . . глаголюще: „Не подобает тебе, великому князю, наперед самому в плъку битися“» (Основная редакция «Сказания», Повести, с. 67).

⁹⁷ Вопрос о времени сложения вставного известия об уряжении полков в НЛДубр еще остается открытым. Нет, однако, оснований считать его «древним». Это известие могло быть сложено задним числом специально для повести НЛДубр. Характерно, что упоминаемое в нем имя Ивана Квашни во всяком случае (и это можно говорить с большой определенностью) является вставным (см. выше, с. 20). Подходить к этому известию как к «документу», восходящему чуть ли не к XIV в., в высшей степени рискованно.

⁹⁸ По-видимому, составитель «Летописной повести» списка Дубровского использовал также «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», в котором тоже читается рассказ о Куликовской битве: выражение вставного эпизода повести списка Дубровского «Дон-река кровью потече, а главы, аки камение, валяхуся в дуброве» вторит тексту «Слова о житии»: «Дон-река потече кровью смесившеся, и главы татарскы, аки камение, валяшеся, и трупья поганых, аки дубрава, посечена» (см.: М. А. С а л м и н а. «Летописная повесть» о Куликовской битве. . . , с. 351).

Прилуцкой и Уваровской летописей старше повести списка Дубровского,⁹⁹ и потому вопрос о их взаимовлиянии решается однозначно — влиять могла только повесть названных летописей. С этим согласуются и наблюдения, сделанные над чтениями, общими для повести этих летописей и повести списка Дубровского: фраза, одинаково читающаяся в обеих версиях повести: «Тако же и погани. . . избивающе их немилостивно» (см. с. 13), — в списке Дубровского вторична.

Остановимся еще на одном, и последнем, положении статьи С. Н. Азбелева, которое затрагивает проблему датировки «Летописной повести». С. Н. Азбелев поднимает вопрос об упоминаемом в «Летописной повести» в «списке убитых» князе Федоре Тарусском, имя которого играет важную роль при определении датировки повести (хотя это и не является единственным ее основанием). Напомним, что дало текстологическое исследование «списка убитых» «Летописной повести»¹⁰⁰ и как объясняется появление в ней имени князя Федора Тарусского.

«Список убитых» в Куликовской битве включал в себя еще краткий рассказ 1380 г. Троицкой летописи, в основном совпадавший со «списком убитых» пергаменного Синодика XV в.¹⁰¹ При сложении «Летописной повести» «список убитых» Троицкой летописи целиком вошел в нее, но при этом составителем повести был использован дополнительный материал.¹⁰² В «список убитых» были включены имена Федора Тарусского, его брата Мстислава, князя Дмитрия Монастырева, Ивана Александровича, Дмитрия Минича. Как оказалось, три имени к Куликовской битве отношения не имели. Дмитрий Минич, Дмитрий Монастырев, Федор Тарусский также были убиты в борьбе с татарами, но не на Куликовом поле, а, согласно летописным данным, первый в 1368-м, второй — в 1378 г. Федор Тарусский, как сообщают об этом летописи, начиная с великокняжеского свода 1471 г., погиб в бою с татарами под Белевым в 1437 г.¹⁰³

Следует отметить, что имя Федора Тарусского вместе с дополнительными именами князей упоминается в повести во всех летописных сводах, начиная с НІVЛ и СІЛ, в том числе и в списке Дубровского, и не является случайным. Имя Федора Тарусского, в Куликовской битве не участвовавшего, попало в «Летописную повесть», видимо, при ее сложении, в конце 40-х годов XV в., одновременно с именами других лиц, также не имевших к Куликовской битве ни малейшего отношения: допустить существование авторского пространного вида повести без дополнительных по отношению к рассказу Троицкой летописи имен убитых у нас нет ос-

⁹⁹ Протограф Ермолинской и сходных с ней летописей создан в 80-х годах XV в. (см.: Я. С. Лурье. Летописание XV в. и Кирилло-Белозерский монастырь. — В кн.: Летописи и хроники. Сборник статей. 1973 г. Посвящен памяти А. Н. Насонова. М., 1974, с. 202—211).

¹⁰⁰ М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве. . . , с. 370—372.

¹⁰¹ Там же, с. 370. В Троицкой летописи читаем: «И ту убьени быша в суйме: князь Феодор Романович Белозерский, сын его князь Иван Федорович, Семен Михайлович, Микула Васильевич, Михайло Иванович, Акинфович, Андрей Серкизов, Тимофей Волуй, Михайло Бренков, Лев Морозов, Семен Мелик, Александр Пересвет и инии мнози» (М. Д. Приселков. Троицкая летопись, с. 420).

¹⁰² В НІVЛ читаем: «Тогда же на том побоици убьени быша на съступе: князь Феодор Романович Белозерский, сын его Иван, князь Феодор Торусский и брат его Мстислав, князь Дмитрий Монастырев, Семен Михайлович, Микула, сын Васильев тысяцкого, Михайло, Иван, сыны Анкифовичи, Иван Александрович, Андрей Серкизов, Тимофей Васильевич, Акатьевич, наречеаеми Волуй, Михайло Бренков, Лев Мозырев (или Морозов)], Семен Меликов, Дмитрий Минич, Александр Пересвет, бывый преже боярин брянский, инии мнози» (ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, с. 321).

¹⁰³ М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве. . . , с. 371.

пований.¹⁰⁴ Эти имена были выписаны из Синодика — «книг животных», как об этом пишет сам автор повести. Но если имя Федора Тарусского читалось в «Летописной повести» с момента ее сложения, то ранее 1437 г. она возникнуть не могла.¹⁰⁵

С такой датировкой повести С. Н. Азбелев не соглашается, считая ее слишком поздней, называя «маловероятным» то, «что летописец 40-х годов XV в. своего современника — реального князя Федора Тарусского, убитого в 1437 г., включил в перечень павших 60—70 лет назад на Куликовом поле».¹⁰⁶

Появление в «Летописной повести» имени князя Федора Тарусского С. Н. Азбелев объясняет следующим образом: «Первоначально, надо думать, читалось так, как в Симеоновской летописи: „Князь Федор Романович Белозерский, сын его князь Иван Федорович“. Позднее переписчик, знавший, что в битве участвовал князь Иван Тарусский, отождествил его с князем Иваном Федоровичем. Отсюда, например, чтение, сохранившееся в Ермолинской летописи: „князь Федор Романович Белозерски, сын его князь Иван Федорович Торусски“. В дальнейшем отчество „Федорович“, утерев окончание, дало, очевидно, „князя Федора Тарусского“».¹⁰⁷

Странно, конечно, то, что С. Н. Азбелев в данной статье неожиданно признает чтения краткого рассказа 1380 г. Троицкой (Симеоновской) летописи первоначальными. Но более удивляет самое объяснение появления в повести имени Федора Тарусского.

Первым шагом на пути появления этого имени в повести, по мнению С. Н. Азбелева, явилось отождествление переписчиком князя Ивана Федоровича Белозерского из рассказа Симеоновской летописи с князем Иваном Тарусским — «вполне реальной личностью, попавшей в родословные».¹⁰⁸ Но откуда переписчик повести мог взять имя Ивана Тарусского? В родословцах имя этого князя действительно встречается, но был ли Иван Тарусский участником Куликовской битвы — неизвестно: ни летописи, ни «Летописная повесть» об этом сведений не дают. Имя Ивана Тарусского встречается в летописях, начиная с Троицкой, лишь под 1375 г.: этот князь участвовал в походе Дмитрия Донского на Тверь в 1375 г. Единственные сведения об Иване Тарусском как участнике Куликовской битвы дают «Летописная повесть» списка Дубровского и рассказ о Куликовской битве Никоновской летописи; но и рассказ Никоновской летописи, и повесть списка Дубровского, как выяснилось, — позднего происхождения.¹⁰⁹

Далее С. Н. Азбелев пишет, что пример такому объединенному из двух имен имени — «князь Иван Федорович Торусски» — можно найти в Ермолинской летописи. Но чтение Ермолинской летописи, на которое ссылается С. Н. Азбелев («...сын его князь Иван Федорович То-

¹⁰⁴ Пространная повесть, т. е. «Летописная повесть» о Куликовской битве сложилась, очевидно, при составлении свода 1448 г.: ни в Московско-академическом списке Суздальской летописи, памятнике 20-х годов XV в., ни в западно-русских летописях, основу которых составляет свод, доведенный до 1446 г., пространной летописной повести еще нет. Сообщение о Куликовской битве в этих летописях соответствует рассказу 1380 г. Троицкой летописи (см.: Я. С. Л у р ь е. К проблеме свода 1448 года. — ТОДРЛ, т. XXIV. Л., 1969, с. 145—146).

¹⁰⁵ См. об этом подробнее: М. А. С а л м и н а. «Летописная повесть» о Куликовской битве. . . , с. 372.

¹⁰⁶ С. Н. А з б е л е в. Повесть о Куликовской битве. . . , с. 172.

¹⁰⁷ Там же, с. 172.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ С. Б. Веселовский, называя Ивана Тарусского участником Куликовской битвы, в своих сведениях опирается на данные повести списка Дубровского и Никоновской летописи (см.: С. Б. В е с е л о в с к и й. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 434).

русскы»), — ошибочно. Это чтение находится только в единственном существующем списке этой летописи. В Уваровской и Прилуцкой летописях, сходных до 1417 г. с Ермолинской летописью, это выражение читается точно так же, как в «Летописной повести» всех остальных летописей: «Убиен бысть на ступи князь Федор Романович Беловерский и сын его князь Иван, князь Федор Торусский».¹¹⁰

Не говоря уже о том, что самый путь происхождения имени Федора Тарусского, предложенный С. Н. Азбелевым, является ничем не подтвержденной догадкой, необъяснимым оказывается в его изложении и следующее обстоятельство: С. Н. Азбелев считает самой ранней версией «Летописной повести» ту, которая отражена в списке Дубровского; эта версия предшествует повести НІVЛ и СІЛ. Но в повести списка Дубровского имя Федора Тарусского уже есть, и приводится оно здесь в той же самой формулировке, что и в других летописях. Следовательно, по С. Н. Азбелеву, получается, что все изменения текста, приведшие к «механическому» образованию словосочетания «Федор Тарусский», происходили тогда, когда реальный Федор Тарусский был еще жив. Не вероятно ли это? Объяснение, предложенное С. Н. Азбелевым, представляется гораздо более сложным и сомнительным, чем предположение о том, что Федор Тарусский, умерший в 1437 г., был через 10 лет введен составителем свода 1448 г. в число участников Куликовской битвы.¹¹¹

* * *

Спустя три года после появления рассматриваемой работы С. Н. Азбелев снова обратился к «Летописной повести» о Куликовской битве в статье «Об устных источниках летописных текстов». При этом теперь С. Н. Азбелев исходит как из уже доказанного тезиса из утверждения, что «наиболее полный и в целом наиболее близкий к первоначальному вид повести читается в Новгородской летописи Дубровского».¹¹² Новых аргументов в пользу этой точки зрения С. Н. Азбелев не приводит.

Здесь С. Н. Азбелев, в отличие от предыдущей статьи, уделяет некоторое внимание краткому рассказу, читающемуся в Симеоновской летописи, и даже, по-видимому, принимает (нигде, впрочем, не оговаривая этого нового для него положения) вывод о том, что рассказ, сохранившийся в Симеоновской летописи, принадлежит своду 1408 г. — Троицкой летописи. Но уже этот рассказ 1408 г. является, по его утверждению, сокращением рассказа, читающегося в НЛДубр. «Если допустить, — пишет С. Н. Азбелев, — что подобная редакция Повести есть распространение текста, дошедшего в Симеоновской, то следовало бы ожидать, что последний будет достаточно полно и, во всяком случае, равномерно читаться в составе подробной редакции».¹¹³ С. Н. Азбелев обещает сопоставить «внимательно Повесть по НЛД с текстом Симеоновской летописи»,¹¹⁴ однако не делает этого, а ограничивается лишь перечислением отдельных

¹¹⁰ См.: ПСРЛ, т. XXVIII, с. 82, 245. Совершенно очевидно, что в Ермолинской летописи произошло наслонение имен двух рядом названных князей — Ивана и Федора Тарусского.

¹¹¹ Напомним, что в «Казанской истории», созданной в период 1564—1665 гг. — через 12 лет после Казанского похода 1552 г., — автор ее не затруднился исключить имена попавших в то время в опалу участников похода 1552 г. и включить в именной состав русского войска татарских царевичей, которые заведомо в нем не участвовали (см.: Казанская история. Подгот. текста, вступ. статья и примеч. Г. Н. Моисеевой. М.—Л., 1954, с. 123, 186—187).

¹¹² С. Н. Азбелев. Об устных источниках летописных текстов. . . , с. 82.

¹¹³ Там же, с. 89—90.

¹¹⁴ Там же, с. 89.

примеров. Но и тот материал, который он отбирает для доказательства вторичности рассказа Троицкой (Симеоновской) летописи, не подтверждает его вывода.

С. Н. Азбелев уделяет наибольшее внимание приведенному мной сопоставлению рассказа Троицкой (Симеоновской) летописи о Куликовской битве с содержащимся в ней рассказом о битве на Воже в 1378 г. Он пишет: в пространной повести «отсутствуют как раз те обороты, которые на наибольшем протяжении текста совпадают в Симеоновской с предшествовавшим в ней описанием битвы на Воже».¹¹⁵ Для того чтобы проверить утверждения С. Н. Азбелева, вернемся опять к примерам, приведенным нами выше (см. с. 3—4) под № 1—7. Как уверяет автор, фрагменты № 2, 3, 4 (по нашей нумерации) «совершенно отсутствуют» в пространной повести. Это неверно. Слов «и поможет бог князю великому Дмитрию Ивановичю» (№ 4), действительно, в пространной редакции нет, так как им соответствует здесь развернутый рассказ о божьей помощи. Однако фрагменты № 2 и 3, вопреки утверждению С. Н. Азбелева, в ней имеются. Так, фрагменту № 2 в НЛДубр соответствует текст: «Се же слышав князь велики Дмитрий Иванович. . . , поиде противу их. . . , собра вои своих» (ГПБ, F.IV.238, л. 246—246 об.). Из фрагмента № 3 С. Н. Азбелев приводит лишь оборот «побегоша, а наши после»,¹¹⁶ в то время как в НЛДубр мы находим параллели и к остальным элементам этого фрагмента: «. . . татарове. . . побегоша и погнаша за ними. . . , бьюще и секуще поганых» (л. 253).

Остальные примеры совпадения рассказов 1380, 1378 гг. Троицкой (Симеоновской) летописи и пространной повести С. Н. Азбелев отвел, объявив их «общераспространенными оборотами» и «клише», «обычными для древнерусской письменности».¹¹⁷ Но, для того чтобы сделать такой вывод, С. Н. Азбелев произвел своеобразную операцию над этими текстами, выбрав из них только отдельные слова.¹¹⁸ В действительности же совпадают в рассказах Троицкой (Симеоновской) летописи и рассказе пространной повести *целые наборы оборотов*, и это нельзя признать чисто случайным совпадением. Дадим параллели к приведенным выше фрагментам (№ 1, 5, 6, 7) из НЛДубр: 1 — «Того же лета. . . ординский Мамай. . . понаимовал. . . поиде на великого князя Дмитрия Ивановича и на брата его князя Володимера Андреевича» (л. 245); 5 — «Христоролюбивый князь Дмитрий. . . возвратишася оттуду в богохранимый град Москву. . . с победою великою» (л. 256); 6 — «. . . и мнози враги (*так!*) его вои. . . обретоша корысть многу» (л. 256); 7 — «Мамай. . . гневашеся и яряся. . . , собра остаточную свою силу, еще восхоте ити изгоном на Русь» (л. 256 об.).

Но пространная повесть, в частности в НЛДубр, совпадает с кратким рассказом о Куликовской битве в Троицкой летописи не только в тех местах, которые сходны с рассказом о битве на Воже 1378 г. Как мы уже писали, весь рассказ о Куликовской битве из Троицкой летописи входит в состав рассказа 1380 г. НЛДубр. Обо всех этих многочисленных совпадениях в этих рассказах С. Н. Азбелев умалчивает. Он считает доказательным для решения вопроса о соотношении текстов Троицкой летописи и НЛДубр только один случай. В рассказе Троицкой летописи Дмитрий Донской получает новое известие о Мамае, «переехав Оку». В НЛДубр этих слов нет. Между тем оборот «переехав Оку» употребля-

¹¹⁵ Там же, с. 90.

¹¹⁶ Там же, с. 90, примеч. 42.

¹¹⁷ Там же, с. 90.

¹¹⁸ Там же, с. 90, примеч. 43.

ется по другому поводу в рассказе о битве на Воже. «Ясно, что слова „и переехав Оку“ были взяты составителем свода 1409 г. из текста 1378 г.», — заявляет С. Н. Азбелев.¹¹⁹ «Если бы мы допустили, что подробная Повесть возникла путем распространения текста Симеоновской, то нельзя было бы объяснить, зачем слова „и переехав Оку“ были опущены в этом ее известии».¹²⁰ На этом утверждении С. Н. Азбелев строит своего рода текстологический треугольник: рассказ 1380 г. Троицкой летописи оказывается составленным на основании двух источников — пространной редакции повести (типа НЛДубр) и рассказа о Воже из самой Троицкой летописи. Но оснований для такого ответственного вывода мы не видим. В пространной повести, находящейся в НЛДубр, за словами о получении Дмитрием Донским вести о походе Мамаея следует развернутый рассказ о злодейских замыслах врагов «крестьянства» — Мамаея, Ягайло, Олега Рязанского. Поэтому естественно, что упоминание о самом походе, начинающемся с перехода Дмитрием Донским Оки, было помещено здесь после этого сообщения и в других выражениях («и начаша возитися за Оку» (л. 248)).

Между тем никаких других данных для построения указанного текстологического треугольника у С. Н. Азбелева нет. Напротив, включение в состав пространной редакции, в частности НЛДубр, как тех фрагментов краткого рассказа 1380 г. Троицкой летописи, которые совпадают с рассказом о битве на Воже, так и большинства фрагментов, которые не связаны с этим рассказом, свидетельствует о простом и ясном текстологическом соотношении. Рассказ свода 1408 г. о Куликовской битве (написанный, вероятно, тем же летописцем, который составил рассказ о Воже, и потому сходный с ним) был основой для пространной повести о Куликовской битве (в ряде летописей, включая и НЛДубр).

С. Н. Азбелев не может не признать, что помещенный в НЛДубр список убитых явно фантастичен и анахронистичен: в нем называются имена Дмитрия Монастырева, Дмитрия Минича, погибших, как уже говорилось, за несколько лет до Куликовской битвы. Упоминается здесь и имя Федора Тарусского, также в Куликовской битве не участвовавшего. И теперь С. Н. Азбелев (в отличие от предыдущей статьи) уже соглашается признать, что появление здесь этого имени — «результат недоразумения».¹²¹ Ясно, что эти анахронизмы могли появиться только в относительно позднем рассказе, так же как характерные для пространной повести генеалогические уточнения к именам других убитых (что Микула Васильевич — сын тысяцкого, Александр Пересвет — «бывый прежде боярин брянский» и т. д.). Эти пояснения, явно предназначенные для более позднего читателя, С. Н. Азбелев считает почему-то первичными и пытается при этом объяснить большую достоверность рассказа Симеоновской летописи в перечне убитых догадкой о вторичной переработке текста: «...возможно, что перечень убитых, читавшийся в подробной Повести, просто был сверен (курсив мой, — М. С.) сводчиком 1409 г. с бывшим у него под руками синодиком».¹²² Натянутость этого рассуждения С. Н. Азбелева очевидна.

Как же представляет себе С. Н. Азбелев историю создания, бытования и включения в летопись XVI в. (НЛДубр) первоначального, по его мнению, пространного варианта повести?

¹¹⁹ Там же, с. 91.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же, с. 88.

¹²² Там же, с. 93.

Повесть, считает С. Н. Азбелев, возникла в Полоцке¹²³ в 1386 г. Вся аргументация в пользу этого утверждения сводится к тому, что повесть не могла быть написана ранее 1386 г. (в связи с русско-татарскими и русско-литовскими отношениями) и вместе с тем не позже 1402 г.¹²⁴ Последняя дата заимствована автором у А. Маркова и основывается только на том, что в повести содержатся риторические обращения к Олегу Рязанскому, которые, по его мнению, не могли быть написаны после смерти этого князя (1402 г.). Аргументы эти нельзя считать серьезными. Риторические обращения к умершим лицам — обычное явление в древнерусской литературе, — ср., например, «Укоры и поносы Ростриге» (Лжедмитрию) в памятниках XVII в., написанные заведомо после его смерти.¹²⁵

Что же произошло, согласно С. Н. Азбелеву, с повестью, после того как она была в 1386 г. сочинена? С одной стороны, рассказ этот, по схеме автора, мог использоваться сводами конца XIV—начала XV в. и хранился как своего рода секретный материал в архиве в течение 170 лет.¹²⁶ С другой стороны, как утверждает С. Н. Азбелев, «за 170 лет существования первоначального подробного извода повести вне летописных сводов текст ее, как можно полагать, переписывался неоднократно: собирая материал для очередного свода, работавшие над ним лица делали списки используемых документов».¹²⁷ Затем эта повесть оказалась включенной в НЛДубр и исправлена, по словам С. Н. Азбелева, по НІVЛ.¹²⁸ Что же это за странная история текста, когда памятник, с одной стороны, хранится в архиве, а с другой — неоднократно переписывается для «очередных сводов», и почему этот внелетописный, по мнению автора, памятник остается совершенно неизвестным по отдельным спискам вне летописи? Почему он появился на свет в своем первоизданном виде только в составе Новгородского свода XVI в. (во второй редакции НЛДубр)? К этому следует добавить, что ни в своих прежних исследованиях НЛДубр,¹²⁹ ни в рассматриваемых статьях С. Н. Азбелев не привел ни одного примера, когда в указанную летопись вошли бы иные (кроме рассказа о Куликовской битве) произведения, восходящие к источникам ранее конца XV—XVI вв., неизвестные по другим памятникам. Поэтому нарисованная им картина возникновения повести о Куликовской битве в НЛДубр не находит подтверждения и в структуре самой НЛДубр. В обеих статьях С. Н. Азбелева отсутствует анализ всей системы летописных сводов, включающих интересующую его повесть. Заявляя о необходимости пол-

¹²³ Основание для географического приурочения повести С. Н. Азбелев видит в упоминании в повести НЛДубр князя Андрея Полоцкого с «полочань», которое, как мы указывали (см. примеч. 37), является вторичным чтением НЛДубр, и в тексте, читающемся полностью в НІVЛ, о том, что «Литва над нами издеваются и поругаются». Но место это, кстаи искаженное в НЛДубр, появилось вообще только в НІVЛ; в СІЛ его нет. Поэтому нет достаточных оснований считать, что оно читалось в общем протографе НІVЛ и СІЛ.

¹²⁴ С. Н. Азбелев. Об устных источниках летописных текстов, с. 82—83.

¹²⁵ См.: Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского. — РИБ, т. XIII. СПб., 1909, стб. 579.

¹²⁶ С. Н. Азбелев. 1) Повесть о Куликовской битве. . . , с. 169; 2) Об устных источниках летописных текстов. . . , с. 87—88.

¹²⁷ С. Н. Азбелев. Об устных источниках летописных текстов. . . , с. 88.

¹²⁸ Что именно было взято НЛДубр из ее основного текста, а что — из НІVЛ, С. Н. Азбелев не уточняет. Откуда, например, было взято в повесть НЛДубр слово «царь»? Оно является более уместным для XVI в., чем для XIV в. С. Н. Азбелев не дает ясного ответа на этот вопрос: «. . . не беремся утверждать, что это выражение, созвучное титулованию XVI в., полностью читалось в тексте повести XIV в. Может быть, кое-что добавил и сам составитель НЛД. Но, вероятно, царем Дмитрий Иванович был назван уже в источнике НЛД» (там же, с. 86).

¹²⁹ С. Н. Азбелев. 1) Две редакции Новгородской летописи Дубровского, с. 219—226; 2) Новгородские летописи XVII века, с. 24—26.

ного сличения текстов, С. Н. Азбелев в действительности даже не пытается определить их взаимоотношений и выразить в форме какой-либо стеммы.

Выступая в роли защитника «здравой точки зрения А. А. Шахматова», якобы отвергнутой нами без основательного разбора его аргументации, С. Н. Азбелев, однако, опирается только на высказывание А. А. Шахматова (в его «Отзыве на сочинение С. К. Шамбинаго») о том, что «Летописная повесть» о Куликовской битве появилась в конце XIV в.¹³⁰ Но единственным аргументом А. А. Шахматова было в данном случае то обстоятельство, что «Летописная повесть» отразилась в «Слове о житии», а «Слово» это, по мнению А. А. Шахматова, было написано вскоре после кончины князя Дмитрия Донского.¹³¹ Но, как мы указывали выше, «Слово о житии» должно быть в действительности датировано более поздним временем, а вопрос о датировке этого памятника С. Н. Азбелев обходит. Других аргументов в пользу отнесения повести к XIV в. у А. А. Шахматова не приводится.

Основным принципом работы А. А. Шахматова над летописными памятниками было, как известно, комплексное рассмотрение летописей, построенное на учете всех летописных текстов, включающих исследуемый рассказ. Отдельные выводы подчинялись этой общей системе аргументации. Вот почему А. А. Шахматов отказывался от отдельных высказанных им ранее положений (так было, например, с его верной мыслью о первичности краткого рассказа о Куликовской битве, которую он не стал отстаивать, уступив в этом случае своему оппоненту),¹³² неизменно сохраняя верность общему принципу аргументации. А. А. Шахматов возводил пространный рассказ о Куликовской битве к своду 1423 г. (полихрону) на том основании, что наиболее ранняя из известных нам версия пространного рассказа читается в двух сходных между собой летописях — НВЛ и СЛ.¹³³ Протограф этих двух летописей А. А. Шахматов определял как свод 1448 г., а общерусской основой этого свода был, по его мнению, гипотетический свод 1423 г., наиболее непосредственно отразившийся в Ермолинской летописи и Хронографе.¹³⁴ Опираясь на эти представления А. А. Шахматова, С. Н. Азбелев говорит о Ермолинской, как об «отражающей через промежуточные звенья свод 1418 или 1423 г.»¹³⁵ но представление о Ермолинской летописи как об отражении свода 1423 г. в настоящее время отвергнуто исследователями летописания. А. Н. Насонов неопровержимо доказал, что источником Ермолинской летописи был свод, близкий к своду 1479 г. и составленный не ранее 60-х годов XV в.¹³⁶ Если С. Н. Азбелев с этими выводами не согласен, то он обязан был их оспорить. Если же он этого не делает, то у него нет оснований возвращаться к представлениям о своде 1423 г. и связывать с ним историю

¹³⁰ С. Н. Азбелев. Об устных источниках летописных текстов. . . , с. 81—82.

¹³¹ А. А. Шахматов. Отзыв. . . , с. 119—121.

¹³² А. А. Шахматов. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. (Источники полихрона 1423 г.). — ЖМНП, 1901, ноябрь, с. 65; 2) Отзыв. . . , с. 104.

¹³³ А. А. Шахматов в «Отзыве» на сочинение С. К. Шамбинаго указывал, что исследование «могло бы сосредоточиться на изучении того текста Летописной повести, который читался в своде 1448 года. . . путем сравнительного изучения обеих названных летописей (НВЛ и СЛ, — М. С.)», и далее писал, что «древнейший хронологический момент, до которого может дойти исследование: Повесть внесена в свод в 1423 году» (с. 88—90).

¹³⁴ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 149—150.

¹³⁵ С. Н. Азбелев. Об устных источниках летописных текстов. . . , с. 88, 94.

¹³⁶ А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII века, с. 269—274.

пространной повести о Куликовской битве.¹³⁷ Как бы защищая А. А. Шахматова, С. Н. Азбелев по существу полностью игнорирует его метод. Совершенно отсутствуют в статье С. Н. Азбелева и рассмотрение дальнейших этапов развития летописных сводов, содержащих исследуемую повесть. Какого происхождения повесть в Московско-академическом списке Суздальской летописи, в сокращенных сводах 1493, 1495 гг., в Хронографе, в Московском великокняжеском своде 1479 гг.? Ни одного из этих вопросов С. Н. Азбелев даже не касается. От предполагаемого текста 1386 г. он переходит прямо к своду 1423 г. (НІVІІ—СІІІ), а затем к Новгородской летописи Дубровского.

Пообещав в начале своей статьи, что он рассмотрит «все доводы, выдвинутые в подкрепление» отвергаемой им моей точки зрения,¹³⁸ С. Н. Азбелев утверждает в конце концов, что он не разобрал только тех доводов, «которые базируются лишь на субъективном прочтении текста или недоразумениях».¹³⁹ Но в действительности он не разобрал ни одного из основных аргументов в пользу первичности рассказа Троицкой (Симеоновской) и вторичности пространной повести. Он умолчал о дублировке известия об измене Олега Рязанского в пространной редакции (в результате чего Дмитрий Донской с самого начала знает об этой измене, а в конце ему сообщают о предательстве Олега как о неожиданном событии). Он ничего не говорит о характерных для пространной повести повторениях.¹⁴⁰ Совершенно не рассматривает С. Н. Азбелев ту аргументацию, которая позволила связать пространную повесть с другими рассказами свода 1448 г. Так, аналогичной судьбе повести о Куликовской битве была, например, судьба «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго». Оно тоже, как уже говорилось выше, основано на кратких известиях Троицкой летописи, но распространено известиями, связанными именно с тенденциями свода 1448 г. В частности, здесь тенденциозно изложено то самое завещание Дмитрия Донского, вокруг которого шли споры во время феодальной войны 30—40-х годов XV в. От разбора аргументов относительно датировки этого жития С. Н. Азбелев уклоняется. Автор последовательно умалчивает о всем том материале, который противоречит его представлениям. Перед нами своеобразная «текстология умолчаний».

Заявив, что его тезис о первичности повести НЛДубр «представляется в достаточной мере доказанным»,¹⁴¹ С. Н. Азбелев в действительности ни в одной из своих статей не оспорил датировку «Летописной повести» 40-ми годами XV в. и не доказал древнего происхождения рассказа НЛДубр. Это не помешало ему с крайней резкостью характеризовать воззрения своих оппонентов. Он определяет, в частности, мою точку зрения как «экстравагантный взгляд на один из важнейших источников

¹³⁷ О сомнительности гипотезы о своде 1423 г. (полихроне) см.: Я. С. Л у р ь е. Проблема реконструкции недошедших сводов при исследовании летописей. — В кн.: Текстология славянских литератур. Л., 1973, с. 139. С. Н. Азбелев эту статью упоминает, но никаких возражений по этому вопросу не высказывает.

¹³⁸ С. Н. А з б е л е в. Об устных источниках летописных текстов..., с. 81.

¹³⁹ Там же, с. 94 (примеч. 57).

¹⁴⁰ С. Н. Азбелев утверждает, что сочетание двух систем — книжно-риторической и летописно-документальной, а также «нарушение плана» есть и в Симеоновской летописи (там же, с. 94, примеч. 57). Однако он не приводит никаких примеров этому, приписывая мне взгляд, будто бы Житие Александра Невского влияло на Симеоновскую летопись (там же, с. 92, примеч. 49). Но я не считаю, что Житие влияло на Симеоновскую летопись. С. Н. Азбелев, видимо, меня не понял.

¹⁴¹ С. Н. А з б е л е в. Об устных источниках летописных текстов..., с. 93—94.

по отечественной истории», которому, — снисходительно прибавляет он, — «можно было бы не уделять специального внимания».¹⁴² Грозному осуждению подвергаются не только мои статьи, но и все те работы, в которых мои выводы были приняты.

Излагая мою концепцию на происхождение «Летописной повести» о Куликовской битве, С. Н. Азбелев приписывает мне точку зрения, что «под Дмитрием Донским повесть имеет в виду, оказывается, или Василия Темного, или Дмитрия Шемяку».¹⁴³ Это нарочитое искажение моей мысли. Под Дмитрием Донским пространная повесть, естественно, подразумевает Дмитрия Донского, а не кого-либо иного; речь шла не о каких-то аллюзиях в повести, а о том, почему в 40-е годы XV в. оказалось целесообразным создать новый, пространный, вариант повести о Куликовской битве и о том, какие политические группировки могли использовать в этот период содержащийся в повести исторический материал.

Краткий рассказ Троицкой летописи называл сражение 1380 г. великой победой и отдавал должное Дмитрию Донскому как руководителю битвы. Что же касается пространной повести, то она лишь в более литературной и яркой форме повторила и развила первоначальное летописное сообщение. Поэтому признание краткого рассказа древнейшим ни в коей мере не преуменьшает ни исторического значения Куликовской битвы, ни роли великого князя в этой победе.

В статьях С. Н. Азбелева, претенциозных и беспрецедентных по тону в критической части, их доказательная часть при пристальном рассмотрении оказывается удивительно беспомощной, автор высказывает как сами собой разумеющиеся тезисы, которые не только нуждаются в уточнениях и дополнительных аргументах, но и в самом элементарном доказательстве.

* * *

Если С. Н. Азбелев в рассмотренных нами выше статьях в подтверждение своей точки зрения пытается опираться на текстологическую аргументацию, то для работы И. Б. Грекова¹⁴⁴ характерен другой метод исследования. По мнению И. Б. Грекова, в основе изучения исторических и историко-литературных памятников должен лежать анализ их идейно-политической направленности, поэтому «начинать исследование цикла летописных повестей о Куликовской битве. . . более целесообразно с выявления идеологического стержня той или иной редакции, с определения политических установок каждой редакции „Повести“».¹⁴⁵

Как же раскрывается в данной работе этот тезис применительно к памятникам Куликовского цикла? Во-первых, И. Б. Греков убежден, что все эти памятники — достоверные исторические источники,¹⁴⁶ и не до-

¹⁴² Там же, с. 80.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ И. Б. Греков. Восточная Европа. . .

¹⁴⁵ Там же, с. 434.

¹⁴⁶ И. Б. Греков пишет: «Сообщения рассматриваемых источников (произведений Куликовского цикла, — М. С.) о событиях 1380—1381 гг. в основном являются достоверной информацией» (там же, с. 129). Как к «документу» относится И. Б. Греков и к сообщению позднейшего, относящегося уже к XVI в. варианта «Летописной повести» Н.Л.Дубр об «уряжении полков» — эпизоду, как нами доказано, вставному и сложенному, по всей видимости, уже в XVI в. (там же, с. 131—133). Имеющиеся же в памятниках Куликовского цикла (И. Б. Греков относит их все к 30—90-м годам XIV в.) расхождения в трактовке отдельных эпизодов событий 1380 г., в оценке поведения отдельных лиц И. Б. Греков объясняет «переменами политической конъюнктуры в Восточной Европе на протяжении 80—90-х годов XIV в.» (там же, с. 420).

пускает мысли о возможности более сложной идеологической и литературной интерпретации в них исторических событий, чем описание их «по горячим следам» с тем или иным идеологическим осмыслением. Во-вторых, при решении такого важного вопроса, как определение времени создания памятника, И. Б. Греков считает достаточным найти период, в который эти памятники *могли бы быть* созданы. Он выдвигает свою концепцию развития общественной мысли, а затем рассматривает различные памятники именно под углом зрения этой концепции. Произведения Куликовского цикла, которые разные ученые датировали по-разному, И. Б. Греков, согласно своим представлениям о политической обстановке на Руси 80—90-х годов XIV в., считает созданными в пределах последнего десятилетия XIV в.,¹⁴⁷ а соответствие содержания памятников его собственным представлениям является для И. Б. Грекова более решающим, чем установленные исследователями-текстологами факты действительного соотношения дошедших до нас текстов этих произведений.

При такой постановке вопроса получается замкнутый круг, ибо И. Б. Греков выводит датировку памятника из собственной концепции развития общественной мысли, в то время как при построении этой концепции непременно должны быть учтены взаимоотношения конкретных памятников, в свою очередь установленные в ходе исследования их текстов. На текстологической аргументации ученых И. Б. Греков фактически не останавливается, он принимает ту датировку памятника, которая оказывается приемлемой с точки зрения его концепции. Так, он безоговорочно присоединяется к датировке «Задонщины» 1381 годом (следуя за А. В. Соловьевым и В. Ф. Ржигой);¹⁴⁸ датой создания «Слова о житии и о представлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» (вслед за А. В. Соловьевым) считает 1393 год.¹⁴⁹

В чем же суть наших методологических разногласий с И. Б. Грековым? Признавая всю важность и необходимость тщательного анализа идейного содержания исследуемого произведения, мы вместе с тем считаем необходимым подчеркнуть, что современное источниковедение вне текстологического сопоставления конкретных памятников просто недопустимо. И. Б. Грекову для доказательства вероятности своей концепции необходимо было бы вслед за своими предшественниками в изучении произведений Куликовского цикла¹⁵⁰ также обратиться к текстологическим сопоставлениям этих памятников. В настоящее же время едва ли не все звенья его гипотезы могут быть подвергнуты критике и отклонены именно на текстологическом уровне. Изъяны метода исследования

¹⁴⁷ И. Б. Греков устанавливает такую последовательность появления произведений Куликовского цикла; он пишет: «1. „Задонщина“ извода Унд., написанная вскоре после Куликовской битвы и восходящая, возможно, к гипотетическому „Слову о Мамаевом побоище“, созданному, по предположению А. А. Шахматова, в 1381 г.; 2. „Летописная повесть о Куликовской битве“ (пространная редакция), возникшая в начале 90-х годов в связи с созданием „Летописца великого русского“; 3. „Задонщина“ извода Син., возникшая, по нашему мнению, в конце 90-х годов XIV в.; 4. „Сказание о Мамаевом побоище“ (основная редакция), созданная тогда же, в конце 90-х годов XIV в.» (там же, с. 418—419).

¹⁴⁸ И. Б. Греков пишет: «Задонщина» создана, «как доказали Соловьев и Ржига, в 1381 г.» (там же, с. 145; см. также с. 318).

¹⁴⁹ У И. Б. Грекова: «А. В. Соловьев утверждал, что „Слово“ было написано Епифанием Премудрым около 1393 г.» (там же, с. 326; см. также с. 324).

¹⁵⁰ Характерно, что И. Б. Греков, ссылаясь на своих предшественников, занимавшихся памятниками Куликовского цикла, положительно отмечает опыт выявления ими тех или иных идеологических тенденций, но совершенно игнорирует текстологические выводы тех же самых ученых, т. е. опять-таки берет только ту сторону этих исследований, которая подкрепляет его концепцию (там же; см., например, с. 314, 320).

И. Б. Грекова наглядно проявляются при анализе конкретного материала. Рассмотрим, в соответствии с темой нашей статьи, взгляд И. Б. Грекова на историю возникновения «Летописной повести» о Куликовской битве.

Суть точки зрения И. Б. Грекова на историю текста «Летописной повести» заключается в следующем. Отталкиваясь от мнения А. А. Шахматова на «Летописную повесть», высказанного им в «Отзыве» на сочинение С. К. Шамбинаго, что эта повесть в просторном варианте возникла сразу же после Куликовской битвы,¹⁵¹ И. Б. Греков находит возможным датировать ее началом 90-х годов XIV в., ставя появление памятника в связь с составлением свода конца XIV в., общерусского по его мнению, — так называемого «Летописца великого русского».¹⁵² В 1390—1392 гг., пишет И. Б. Греков, «на базе уже существовавших рассказов о Мамаевом побоище была создана или воссоздана летописная повесть о схватке русских войск с Мамаем на Куликовом поле. Вероятнее всего, это была та просторная редакция повести о Куликовской битве, которую мы теперь читаем в Софийской I, Новгородской IV, Типографской, Воскресенской и других летописных сводах», или весьма близкая к ней.¹⁵³ Но далее И. Б. Греков уже исходит из своего предположения как из доказанного и старается лишь связать просторную редакцию повести с политической обстановкой и идеологическими устремлениями 90-х годов XIV в., сопоставив ее с памятниками, возникшими, по его мнению, в тот же период, и прежде всего — с «Задонщиной».¹⁵⁴ В «Летописной повести», пишет И. Б. Греков, восхваляется сотрудничество «князей Владимирского княжения и Литовской Руси», отстаивается «единство русской земли», дается резкая критика Мамаю, Ягайло и Олега Рязанского, идет замалчивание «выдающихся заслуг Владимира Андреевича», — все это, считает он, говорит о возникновении повести «в такой момент политической жизни Восточной Европы, когда, с одной стороны, сложились благоприятные условия для возрождения общерусской программы, для восстановления московско-литовского сотрудничества (точнее, для сотрудничества Киприяна, Василия и Витовта), а с другой — наметилась перспектива политического сближения Орды, Рязани и Польши, точнее Тохтамыша, Олега и Ягайло».¹⁵⁵ Поскольку, по мнению И. Б. Грекова, такая ситуация в Восточной Европе сложилась «с начала 90-х годов XIV в.», просторная «Летописная повесть» и должна была быть создана в это время.¹⁵⁶

«Летописная повесть», пишет И. Б. Греков, испытала на себе влияние «Задонщины» — памятника, имеющего в основе также «общерусскую платформу» и созданного, по мнению И. Б. Грекова, в 1381 г.¹⁵⁷ «Летописная повесть» «широко использовала как художественно-стилистические находки первоначальной редакции „Задонщины“ (по И. Б. Грекову, извода Унд., — М. С.), так и некоторые ее идейно-политические акценты».¹⁵⁸

¹⁵¹ А. А. Шахматов. Отзыв... с. 121.

¹⁵² Существование и характер этого свода сам по себе вызывает споры, но мы не будем сейчас задерживаться на этом вопросе.

¹⁵³ И. Б. Греков. Восточная Европа... с. 329—330.

¹⁵⁴ Там же, с. 331—333.

¹⁵⁵ Там же, с. 441, 333.

¹⁵⁶ Там же, с. 333.

¹⁵⁷ Там же, с. 331.

¹⁵⁸ Там же, с. 402. Попутно заметим, что И. Б. Греков, говоря о взаимоотношении двух изводов «Задонщины» (изводов Унд. и Син.), совершенно игнорирует те суждения, которые высказывались исследователями об этих изводах (см.: Р. П. Дмитриев а. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966, с. 199—263).

Что касается краткого рассказа о Куликовской битве в Симеоновской (Троицкой) летописи, то И. Б. Греков рассматривает его как сокращение «Летописной повести», обращая внимание лишь на «идеологические» различия обеих редакций. Так, он считает, что в отличие от «Летописной повести», где прослеживается «общерусская программа», рассказ «краткой редакции» «ведется от имени летописца, политический кругозор которого не выходит за рамки собственно Московской Руси».¹⁵⁹ Это, пишет И. Б. Греков, «видно из характеристики стратегии Мамаея, который просто мстит московскому князю за поражение на реке Воже», «из умолчания факта участия в Куликовской битве литовско-русских князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей и... князя Владимира Андреевича, связанного с Литовско-Русским государством», из того, что здесь «опущены сведения об активной деятельности серпуховского князя Владимира Андреевича, хорошо известные как „Задонщине“, так и другим редакциям данной „Повести“ (в частности, не был упомянут фланговый удар по армии Мамаея, нанесенный им в решающий момент боя)»,¹⁶⁰ и из «тенденциозно отредактированного списка убитых на Куликовом поле», из «заглаживания» поведения князя Олега Рязанского.¹⁶¹ Такой вариант повести «возник, видимо, в ту пору, когда в отношениях между Василием Дмитриевичем московским, с одной стороны, и литовско-русскими князьями — с другой, существовала крайняя холодность и даже враждебность, когда эпоха московско-рязанских споров уступила место периоду тесного сотрудничества между Москвой и Рязанью. Такая политическая конъюнктура сложилась в Восточной Европе после смерти митрополита Киприана», «краткая редакция „Повести о Куликовской битве“ возникла в 1409 г. в связи с подготовкой Троицкой летописи».¹⁶²

Итак, по мнению И. Б. Грекова, в начале 90-х годов возникла пространная редакция «Летописной повести», до нас не дошедшая, которая затем подверглась существенной редакционной переработке, в результате которой появился краткий вариант, сохранившийся в Троицкой (Симеоновской) летописи. Впоследствии, по мнению И. Б. Грекова, пространная редакция вновь возродилась и вошла в летописи середины XV в. — НІVЛ и СІЛ.¹⁶³

В этой схеме И. Б. Грекова все неясно. По сути дела пространный вариант «Летописной повести», искусственно воссоздаваемый И. Б. Грековым, остался неизвестным. Взаимоотношения между пространным (в схеме И. Б. Грекова его место заступает текст, читающийся в НІVЛ, СІЛ, Типографской, Воскресенской) и кратким вариантом Троицкой (Симеоновской) летописи рассматриваются им, минуя текстологический, исключительно на идеологическом уровне. Вместе с тем, как уже говорилось выше, текстологическое сопоставление обоих памятников доказывает как раз обратное их взаимоотношение: рассказ НІVЛ, СІЛ заключает в себе вторичные чтения и поэтому считается возникшим ранее рассказа Троицкой летописи не может. Нет у И. Б. Грекова и доказательств, что «Задонщина» являлась самым ранним памятником среди повестей Ку-

¹⁵⁹ И. Б. Греков. Восточная Европа. . ., с. 439.

¹⁶⁰ И. Б. Греков, очевидно, имеет здесь в виду сведения «Летописной повести» НЛДубр, так как о выступлении засадного полка во главе с Владимиром Андреевичем рассказывается лишь в этом варианте повести. Но такое допущение невозможно, так как версия повести НЛДубр — поздняя, относящаяся уже к XVI в.

¹⁶¹ И. Б. Греков. Восточная Европа. . ., с. 439—440.

¹⁶² Там же, с. 442.

¹⁶³ К особой, третьей, редакции И. Б. Греков относит тот вариант «Летописной повести», который находится в Ермолинской и Львовской летописях, хотя сам признает, что повесть здесь является лишь «извлечением из пространной редакции» (там же, с. 437—438, 442).

ликовского цикла и что она была создана ранее «Летописной повести». Наконец, на каком основании И. Б. Греков приходит к выводу, что «общерусская» точка зрения предшествовала «московской»?¹⁶⁴ Мы не найдем ответа на эти вопросы, так как текстологическая аргументация (которая должна присутствовать рядом с идеологической) в книге И. Б. Грекова полностью отсутствует.

Как же возражает мне И. Б. Греков по вопросу о происхождении «Летописной повести» о Куликовской битве?

Основным аргументом в моей концепции является, как уже сказано, установление взаимоотношений между кратким рассказом Троицкой (Симеоновской) летописи и пространной «Летописной повестью» свода 1448 г. (т. е. НІVЛ и СІЛ).¹⁶⁵ Именно по этому текстологическому вопросу полемизировали А. А. Шахматов и С. К. Шамбинаго.¹⁶⁶ А. А. Шахматов первоначально считал краткий рассказ Троицкой (Симеоновской) летописи первичным по отношению к пространному рассказу,¹⁶⁷ но потом, согласившись с мнением С. К. Шамбинаго, писал, что краткий рассказ «не больше как извлечение из обычной повести».¹⁶⁸ И. Б. Греков пишет по этому поводу: «Салмина приняла в число своих союзников и раннего Шахматова, сосредоточив весь огонь критики на взглядах Шамбинаго, а вместе с тем и на взглядах зрелого Шахматова — Шахматова 1910 г.».¹⁶⁹ Но дело не в том, чья точка зрения показалась мне более приемлемой, дело в текстологическом сопоставлении обеих редакций, и только на основании этого сопоставления мной и был сделан вывод о первичности краткого рассказа Симеоновской летописи (и соответственно о правоте «раннего Шахматова»). И. Б. Грекову следовало бы не «принимать в число своих союзников» того или иного исследователя, а самостоятельно проверить, насколько справедлива (или, напротив, ошибочна) моя аргументация. Но И. Б. Греков отказался от такого разбора.

Тем не менее, И. Б. Греков все же рассматривает аргументы С. К. Шамбинаго в пользу первичности пространной редакции и мои возражения против него.¹⁷⁰ Какова же позиция И. Б. Грекова в этом споре?

И. Б. Греков напоминает, что в обоснование своего тезиса о первичности пространной редакции «Летописной повести» С. К. Шамбинаго вы-

¹⁶⁴ Сведения источников, которыми И. Б. Греков обосновывает эту точку зрения, сами должны быть исследованы на предмет исторической достоверности и надежно датированы. Характерный пример: едва ли не главным аргументом И. Б. Грекова в обосновании этой очень ответственной точки зрения является его ссылка на известие об «уряжении» полков «Летописной повести» НЛДубр XVI в., которое он считает ранним документом и которое, по мнению И. Б. Грекова, «дает картину максимально широкого круга участников кампании 1380 г., представлявшего чуть ли не всю русскую землю» (там же, с. 132). Между тем именно *документальный* характер данного перечня участников кампании 1380 г. и требуется доказать. Мы полагаем, напротив, что этот список участников сражения — позднего происхождения (см. выше, с. 21).

¹⁶⁵ М. А. С а л м и н а. «Летописная повесть» о Куликовской битве. . . , с. 355—364.

¹⁶⁶ С. К. Ш а м б и н а г о. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.

¹⁶⁷ А. Ш а х м а т о в. Общерусские летописные своды XIV и XV веков. (Источники Полихрона 1423 г.). — ЖМНП, 1901, ноябрь, с. 65.

¹⁶⁸ А. А. Ш а х м а т о в. Отзыв. . . , с. 104. Как уже говорилось, А. А. Шахматову было свойственно уступать мнению других ученых, если их аргументы казались ему убедительными. Так, он отказался в свое время от датировки свода 1448 г. под влиянием точки зрения А. В. Маркова от прежней (и правильной) (см.: Д. С. Л и х а ч е в. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, с. 275—276; Я. С. Л у р ь е. К проблеме свода 1448 г. — ТОДРЛ, т. XXIV. Л., 1969, с. 142—146) и представленный о Хронографе 1599 г. под влиянием мнения С. П. Розанова (О. В. Т в о р о г о в. Древнерусские Хронографы. Л., 1975, с. 209—213).

¹⁶⁹ И. Б. Г р е к о в. Восточная Европа. . . , с. 451.

¹⁷⁰ С. К. Ш а м б и н а г о. Повести о Мамаевом побоище, с. 81—83; см. возражения ему в моей статье: «Летописная повесть» о Куликовской битве, с. 360—364.

двинул 6 аргументов. С моей критикой первого из них И. Б. Греков в общем согласен.¹⁷¹ Рассматривая «второй пункт доказательств Шамбинаго», касающийся «списка убитых» на Куликовом поле, И. Б. Греков утверждает, что статья 1380 г. Суздальской летописи является, «судя по тексту, сокращением не краткого варианта повести, а пространного».¹⁷² Но, к сожалению, самих текстов И. Б. Греков не разбирает. Этот пространный вариант, в представлении И. Б. Грекова, — неизвестный нам текст, созданный в XIV в., с которым мы, естественно, сравнивать реальный текст Суздальской летописи (Московско-академический ее список) не можем. Но зато, сравнив этот реальный текст с реальным текстом Симеоновской летописи (которую можно считать идентичной в данном рассказе Троицкой), обнаруживаем дословное совпадение их во всех формулировках, хотя рассказ Суздальской летописи несколько короче, чем рассказ Симеоновской, и имеет, кроме того, три мелких добавочных чтения («князь», «ака же не бывала в Руси», «и того всенепорочную мать»), которые могут быть объяснены влиянием Софийской первой, служившей источником Московско-академического списка.¹⁷³ С другой стороны, если мы сравним рассказ Суздальской летописи с реально дошедшим до нас пространным текстом «Летописной повести», читающимся в НІVЛ и СІЛ, то там мы обнаружим совершенно другие формулировки. Так:

Московско-академический список Суздальской летописи ¹⁷⁴	Симеоновская летопись ¹⁷⁵	Софийская I летопись ¹⁷⁶
Мамай, събрав воя многы, поиде.	Мамай, събрав рати многы. . . , поиде.	Мамай с единомысленики своими, со всеми князи ¹⁷⁷ ординьскими. . . поиде.
. . . събра воя многы и поиде противу.	. . . събрав воя многы, поиде противу их.	. . . совкупися со всеми князи русьскими и со всею силою и поиде противу их.
. . . и поможе бог князю великому.	. . . и поможе бог князю великому.	. . . взнесе бог десницею великого князя. ¹⁷⁸
. . . и ту убьени быша на суйме.	. . . и ту убьени быша в суйме.	Тогда же на том побоищи убиен бысть ¹⁷⁹ на съступе.

Приведенные примеры дают нам все основания считать, что рассказ Московско-академического списка Суздальской летописи восходит к краткому рассказу Троицкой (Симеоновской) летописи, а не к пространному рассказу, отраженному в СІЛ, как утверждает И. Б. Греков.

Что касается Синодика XV в., упоминаемого И. Б. Грековым при разборе второго пункта доказательств С. К. Шамбинаго, то И. Б. Греков, во-первых, неправ, заявляя, что между Синодиком и кратким рассказом Троицкой (Симеоновской) летописи «никакого тождества не обнаруживается»;¹⁸⁰ в обоих источниках сходны *все* имена убитых, за исключением имени Александра Пересвета, читающегося только в летописи, и это можно

¹⁷¹ И. Б. Греков. Восточная Европа. . . , с. 451—452.

¹⁷² Там же, с. 452—453.

¹⁷³ См.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов. М.—Л., 1938, с. 222.

¹⁷⁴ ПСРЛ, т. 1, вып. 3. Изд. 2-е. Л., 1928, стб. 536.

¹⁷⁵ ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, с. 129—130.

¹⁷⁶ ПСРЛ, т. IV, СПб., 1853, с. 90—91, 95.

¹⁷⁷ НІVЛ: «прочими князми» (ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915, с. 311).

¹⁷⁸ НІVЛ: «нашего князя» (там же, с. 320).

¹⁷⁹ НІVЛ: «убьени быша» (ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, с. 324).

¹⁸⁰ И. Б. Греков. Восточная Европа. . . , с. 453.

было видеть из сопоставления текстов, приведенных в нашей статье.¹⁸¹ Сказано было и об ошибочности упоминания имени Семена Михайловича как участника Куликовской битвы.¹⁸² Во-вторых, И. Б. Греков пытается обосновать свой взгляд на отсутствие в кратком рассказе Троицкой летописи имени Федора Тарусского случайностью: в Синодике оно якобы пропущено из-за его недостоверности, а в Троицкой летописи — по идеологическим соображениям,¹⁸³ при этом в последнем случае И. Б. Греков ссылается на будто бы зафиксированный в документах факт передачи земель Москве тарусским князем Федором, в то время как, что будет показано далее, документ истолкован им неверно. Из сказанного следует, что рассуждения И. Б. Грекова едва ли можно считать текстологическим доказательством. При этом оказывается, что И. Б. Греков возвращает нас к точке зрения С. К. Шамбинаго о том, что краткий рассказ Троицкой летописи содержит сокращенный перечень имен убитых, но сам не прибавляет ничего к его аргументации, уже рассмотренной и отвергнутой нами.¹⁸⁴

Касаясь третьего и пятого тезисов доказательств С. К. Шамбинаго, И. Б. Греков снова не пытается даже рассматривать приводимую мной текстологическую аргументацию, а в поддержку тезисов С. К. Шамбинаго выдвигает соображения лишь идеологического характера.¹⁸⁵ Между тем речь идет о наличии в пространной «Летописной повести» (в описании конфликта с рязанским князем Олегом) следов вторичности по отношению к краткому рассказу Троицкой летописи (см. выше, с. 4) — важнейшему свидетельству при установлении взаимоотношений текстов произведений. Дело не в наличии или отсутствии в том или ином тексте каких-то эпизодов, а в сохранившихся независимо от воли редакторов следах переработки предшествующего текста, которые для текстолога являются основным аргументом при установлении истории текста памятника. Поэтому утверждения И. Б. Грекова, что эти тезисы С. К. Шамбинаго «в основном... остаются в силе»,¹⁸⁶ лишены оснований.

¹⁸¹ М. А. С а л м и н а. «Летописная повесть» о Куликовской битве... , с. 370—371.

¹⁸² Там же, с. 370, примеч. 110.

¹⁸³ И. Б. Г р е к о в. Восточная Европа... , с. 453.

¹⁸⁴ М. А. С а л м и н а. «Летописная повесть» о Куликовской битве... , с. 362. И. Б. Греков считает недостаточным признание «лишь того обстоятельства, что имя Федора Тарусского попало в „Летописную повесть“ одновременно с именами Дмитрия Минича и Дмитрия Монастырева», и хотел бы видеть объяснение, почему «все эти деятели, умершие... в разное время, все же были включены в один список убитых на Куликовом поле» (И. Б. Г р е к о в. Восточная Европа... , с. 448). Мы уже высказывали предположение, что путаница с именами лиц, якобы павших на Куликовом поле — ведь все названные лица в конечном счете погибли в бою с татарами — могла произойти уже в самих «животных книгах» (т. е. в Синодике), которыми, как пишет составитель «Летописной повести» он пользовался (см.: М. А. С а л м и н а. «Летописная повесть» о Куликовской битве... , с. 372). Возможность существования подобных ошибок можно проиллюстрировать на примере упоминавшегося мной и И. Б. Грековым Синодика XV в. из собрания Синодальной библиотеки (№ 667) ГИМ, где в перечень павших на Куликовом поле как-то попало имя князя Семена Михайловича, погибшего в 1377 г. на р. Пьяне. Вопрос о составлении синодиков и возможных при этом неточностях и недоразумениях едва ли может быть сейчас решен без специального исследования и привлечения новых материалов.

¹⁸⁵ По мнению И. Б. Грекова, наличие в пространной редакции повести «спора Москвы с Рязанью», в краткой же — «приглашение этого спора» объясняется тем, что «пространная редакция „Повести“ возникла в годы затяжного московско-рязанского конфликта, а краткая редакция — в годы московско-рязанского сотрудничества» (там же, с. 454).

¹⁸⁶ Там же, с. 455. Попутно заметим, что если бы И. Б. Греков проверил мою текстологическую аргументацию, то несомненно заметил бы свою ошибку: «Слово на рождество Христово о пришествии волхвов» является названием одного произведения,

Тот же метод мы встречаем и при анализе четвертого аргумента С. К. Шамбинаго: И. Б. Греков не разбирает вопроса по существу, а ограничивается лишь упреками, что М. А. Салмина «не желает» считаться с доводом С. К. Шамбинаго.¹⁸⁷

Таким образом, являются несостоятельными все возражения И. Б. Грекова мне и доводы его в защиту точки зрения С. К. Шамбинаго, в чью пользу не приведено ни одного нового аргумента.

И. Б. Греков возражает также против моей датировки «Летописной повести» о Куликовской битве серединой XV в. В его полемике со мной по этому поводу существенное место занимает (как и у С. Н. Азбелева) вопрос о князе Федоре Тарусском. Как же обосновывает свои возражения И. Б. Греков? Во-первых, он неправоммерно считает упоминание имени этого князя моим «едва ли не основным аргументом в пользу датировки „Летописной повести“ концом 30-х—началом 40-х годов».¹⁸⁸ Выше уже шла речь о том, что это лишь *один* из текстологических аргументов датировки «Летописной повести». Но главное в следующем.

И. Б. Греков утверждает: «. . . из информации Симеоновской летописи не вытекает, что погибший в 1437 году князь Федор был единственным тарусским князем, носившим это имя», в Тарусе мог существовать князь «с таким же именем в 70-е годы XIV в.»,¹⁸⁹ чему он, по его словам, находит подтверждение. Речь идет о «докончальной грамоте 1382 г. (по Л. В. Черепнину) между великим князем Дмитрием Ивановичем и рязанским князем Олегом Ивановичем».¹⁹⁰ Судя по всему, И. Б. Греков считает, что в этой грамоте говорится о передаче рязанскому князю земель, которые когда-то были отданы Москве тарусским князем Федором.¹⁹¹ Но из текста грамоты это не вытекает: мы узнаем лишь то, что за Рязанью остается территория, которую в свое время «отступили князи торуские Федору Святославичю». Таким образом, князь Федор Святославич — не тарусский князь, которому уступили земли упомянутые в московско-рязанском договоре не названные здесь тарусские князья. Это был, видимо, смоленский князь.¹⁹² Странными поэтому являются все дальнейшие рассуждения И. Б. Грекова о Федоре Тарусском как о *реальном* князе и, в частности, о том, что территориальные уступки Москвой Рязани произошли, «когда самого Федора Тарусского *уже не было в живых*».¹⁹³ Возможно, что

которое И. Б. Греков напрасно разделил на два — на «Слово на Рождество Христово» и на «О пришествии волхвов».

¹⁸⁷ Там же. Шестой, и последний, аргумент С. К. Шамбинаго был отвергнут еще А. А. Шахматовым (подробнее см. в моей статье: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве. . . , с. 361—362).

¹⁸⁸ И. Б. Греков. Восточная Европа. . . , с. 444. В действительности я датировку «Летописную повесть» второй половиной 40-х годов XV в. (см.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве. . . , с. 374—375).

¹⁸⁹ И. Б. Греков. Восточная Европа. . . , с. 444.

¹⁹⁰ См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, с. 29 (№ 10). Приводим отрывок текста грамоты, на который ссылается И. Б. Греков: «А что на Рязанской стороне, за Окою, что доселе потягло к Москве, почен Лопасна уезд Мьстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубок, Броднич с места, как ся отступил(и) кн(я)зи торусские Федору Святославич(ю), та места к Рязани». Этот текст повторен в грамотах: № 19 (1402 г.), № 33 (1434 г.), № 47 (1447 г.), где интересующая нас фраза идентична приведенной: «. . . как ся отступили кн(я)зи торусские Федор Славич» (с. 53), «. . . как ся отступили кн(я)зи торусские Федору С(вя)тославичю» (с. 84), «. . . как ся отступили торусские кн(я)зи Федору Святославичю» (с. 143).

¹⁹¹ По поводу приведенного текста грамоты И. Б. Греков пишет: «Акт передачи этих земель Москве, осуществленной ранее тарусским князем Федором, в этих условиях был аннулирован (И. Б. Греков. Восточная Европа. . . , с. 447).

¹⁹² См.: А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г., т. 1. СПб., 1889, с. 85, 88, см. также с. 351; т. 2. СПб., 1891, с. 354.

¹⁹³ И. Б. Греков. Восточная Европа. . . , с. 447 (курсив наш).

И. Б. Грекова ввела в заблуждение ошибка в Указателе к изданию «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», где Федор Святославич назван «князем тарусским» (с. 508).

Что же касается ссылки на Д. Иловайского,¹⁹⁴ то на указанных И. Б. Грековым страницах его «Истории Рязанского княжества»¹⁹⁵ упоминается лишь один Федор, а именно Федор Ольгович Рязанский.

Хотя отождествление князя Федора Святославича с князем тарусским, как мы видим, не имеет оснований, И. Б. Греков тем не менее уже на следующей странице пишет, что «тарусский князь Федор вместе с новосильским князем Романом продолжал сохранять верность Москве».¹⁹⁶ Расшифровывая это указание, И. Б. Греков ссылается на участие в тверском походе 1375 г. Романа Новосильского и Ивана (но не Федора!) Тарусского, а также на то, что и Роман, и Иван якобы участвовали в Куликовской битве.¹⁹⁷ Но, как мы уже писали, об участии в Куликовской битве Ивана Тарусского (и теперь еще Романа Новосильского) ни летописи, ни старшие тексты «Летописной повести» сведений не дают. Эти имена упоминаются лишь в позднейших текстах рассказов о Куликовской битве — в Никоновской летописи и в поздней редакции «Летописной повести» — в НЛДубр (XVI в.), в ее вставном эпизоде, видеть в котором отражение первоначальной версии рассказа о Куликовской битве мы не считаем возможным. Но при всем этом речь идет опять-таки об Иване, а не о Федоре Тарусском!

Все последующие рассуждения И. Б. Грекова о Федоре Тарусском, гибель которого на Куликовом поле «оказывается далеко не такой мифической, какой ее хотела бы видеть М. А. Салмина»,¹⁹⁸ после всего сказанного по меньшей мере странны, ибо они основываются как раз на мифическом Федоре Тарусском XIV века, появившемся на наших глазах в результате невнимательного прочтения И. Б. Грековым текста «докончальной» грамоты 1382 г.

Таким образом, основной аргумент И. Б. Грекова против датировки «Летописной повести» концом 40-х годов (но, повторяем, отнюдь не основной в моем построении) оказывается несостоятельным, и по существу И. Б. Греков, как и С. Н. Азбелев, не выдвигает против указанной датировки ни одного сколько-нибудь заслуживающего внимания аргумента.¹⁹⁹

¹⁹⁴ Там же, с. 446 (под № 209, с. 163—164).

¹⁹⁵ Д. И л о в а й с к и й. История Рязанского княжества. М., 1884.

¹⁹⁶ И. Б. Г р е к о в. Восточная Европа. . ., с. 447.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ И. Б. Греков считает «неубедительными» и мои выводы о датировке XV веком «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского». Но, как и во всех остальных случаях, мою текстологическую аргументацию он не рассматривает. И. Б. Греков безоговорочно принимает датировку «Слова о житии» А. В. Соловьева, считая датой его сложения время «около 1393 г.» (хотя А. В. Соловьев говорит, что «„Слово“ было закончено после» 1393 г. или, «скажем, в 1394 г.» — см.: А. В. С о л о в ь е в. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьского». — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 90), — и тут же пишет, что «Словом о житии», «возможно, завершился летописный свод 1392 г. (так! — М. С.)» (И. Б. Г р е к о в. Восточная Европа. . ., с. 329).

Что касается возражений И. Б. Грекова по поводу взаимоотношений «Летописной повести» с «Задонщиной» и «Сказанием о Мамаевом побоище», то вступать в полемику с И. Б. Грековым, выражающим несогласие с моими выводами, основанными на текстологическом сопоставлении «Летописной повести» и «Задонщины», о влиянии первого произведения на второе (там же, с. 450), я считаю излишним, так как И. Б. Греков ограничивается простым отрицанием моей точки зрения, никак не аргументируя свою позицию. Отметим также следующее. И. Б. Греков пишет: «М. А. Сал-

* * *

Итак, ни С. Н. Азбелеву, ни И. Б. Грекову, ставившим перед собой цель доказать первоначальность пространного варианта повести о Куликовской битве и возникновение этого варианта в XIV или начале XV в., этого сделать не удалось. И. Б. Греков по существу отказался от текстологической аргументации «Летописной повести» о Куликовской битве, считая, как он выразился, ее «больше филологической, чем исторической».²⁰⁰ С. Н. Азбелев же формально прибегает к текстологической аргументации, но его текстология, как мы показали выше, — «текстология умолчаний».

Первоначальность текста памятника и его датировка устанавливаются не на основании какого-то случайно выбранного исследователем текста произведения и не на основе анализа только идейного его содержания. Методологическим принципом современного источниковедения является требование изучать памятник путем параллельного анализа истории текста произведения и его идейной направленности.²⁰¹

Современная текстология требует комплексного изучения памятника: ²⁰²должна быть исследована вся совокупность дошедших до нас текстов произведения в их взаимосвязи, с учетом истории текста произведений, послуживших источником при его составлении; а если этот памятник дошел в составе летописей, как в случае с «Летописной повестью», то он должен изучаться в тесной связи с включающими его летописными сводами.

Текстологический анализ «Летописной повести» доказывает, что пространственный вариант повести вторичен, что он возник на основе краткого рассказа о событии 1380 г. Троицкой летописи, и не ранее 1437 г. Анализ же его идейного содержания помогает уточнить эту датировку: из него следует, что «Летописная повесть» о Куликовской битве была сложена в конце 40-х годов XV в.

Не исключено, что в будущем появятся новые материалы, которые позволят внести в изучение «Летописной повести» какие-то новые данные. Но и в этом случае следует руководствоваться, как нам представляется, общими принципами советской текстологии, осуществляя единый идейно-текстологический разбор памятника.

мина выдвинула в рассматриваемой работе (т. е. в статье «„Летописная повесть“ о Куликовской битве. . .», — М. С.). . . дискуссионные положения. . . Кажется сомнительным. . . тезис автора о том, что „Летописная повесть“, созданная якобы на рубеже 30—40-х годов XV в., оказала значительное воздействие и на „Сказание о Мамаевом побоище“ (там же, с. 450). Но в указанной статье о влиянии «Летописной повести» на «Сказание» вообще не говорится. По-видимому, И. Б. Греков имеет в виду другую мою статью «К вопросу о датировке „Сказания о Мамаевом побоище“» (ТОДРЛ, т. XXIX, Л., 1974), которая в книге И. Б. Грекова не названа. В этой статье я действительно доказываю, что основным литературным источником «Сказания» была «Летописная повесть». Непонятно только, почему И. Б. Грекову показалось это «сомнительным», ведь на с. 393 своей книги он сам пишет: «Нам представляется. . . правильным мнение тех историков (С. К. Шамбинаго, А. А. Шахматов и др.), которые считали пространную редакцию „Летописной повести“ основой „Сказания“».

²⁰⁰ И. Б. Греков. Восточная Европа. . ., с. 454.

²⁰¹ Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, с. 46.

²⁰² Там же, с. 262.